

Небо принадлежит нам

Роман Люка Оллната — истинное свидетельство силы любви,
доказывающее, что даже разбитое сердце может научиться биться снова.

[Amazon.com](https://www.amazon.com)

Люк Оллнат

и

Люк Оллатт

Небо принадлежит нам

«Азбука-Аттикус»

2018

УДК 821.111
ББК 84(4Вел)-44

Оллнатт Л.

Небо принадлежит нам / Л. Оллнатт — «Азбука-Аттикус», 2018

ISBN 978-5-389-16239-6

Роб Коутс уверен, что вытянул счастливый билет в лотерее жизни. У него есть все: любимая жена Анна, увлекательная работа, прекрасный дом в Лондоне и самое главное, самое дорогое – долгожданный сын Джек, веселый, энергичный, одаренный мальчик. Джека манит высота, и он мечтает подняться на все знаменитые небоскребы мира, чтобы сделать панорамные фотографии. Но наступает черный день, в дом Коутсов приходит неожиданная беда, и все, что так любил Роб, все, во что он верил, начинает рассыпаться в прах. И именно в тот момент, когда кажется, что рвется ниточка последней надежды, Роб отправляется в незабываемое путешествие, чтобы найти свой путь к новой жизни и прощению. Впервые на русском языке!

УДК 821.111
ББК 84(4Вел)-44

ISBN 978-5-389-16239-6

© Оллнатт Л., 2018
© Азбука-Аттикус, 2018

Содержание

Часть 1	6
1	6
2	12
Часть 2	15
1	15
2	25
3	35
4	41
5	47
Конец ознакомительного фрагмента.	52

Люк Олнат

Небо принадлежит нам

Luke Allnutt

We own the sky

Copyright © Luke Allnutt 2018

© Е. И. Клипова, перевод, 2019

© Издание на русском языке, оформление. ООО «Издательская Группа
„Азбука-Аттикус“», 2019

Издательство Иностранка®

Посвящается

Маркете, Томми и Дэнни

Часть 1

1

Перед тем как уйти, она читала. С томиком ее можно было застать на любимом стуле, или она устраивалась на кровати, прислонившись к горе подушек. Прикроватная тумбочка была завалена книгами, и те, которым не хватило места, валялись на полу рядом. Больше всего она любила иностранные детективы: продираться сквозь хитросплетения сюжетов ей было непросто, но она не сдавалась и с застывшим, словно маска, лицом поглощала романы один за другим, по-детски серьезно поджав губы.

Иногда среди ночи я просыпался и видел в свете лампы четкий силуэт Анны. Она сидела с идеально ровной спиной, как ее всегда учили. Я поворачивался и смотрел прямо на нее, но она меня не замечала: ее взгляд был прикован к страницам книги, которые она листала с таким сосредоточенным видом, словно готовилась к важному экзамену.

Начинала она с признанных мастеров жанра из Скандинавии – Хеннинга Манкелля, Стига Ларссона, – но вскоре перешла на более экзотический немецкий нуар сороковых: романы за авторством какого-то тайца о событиях, имевших место в Пхукете в шестидесятых. И если поначалу это были книги в привычно оформленных, узнаваемых обложках известных издательств, то со временем их сменили чудные экземпляры, в необычных переплетах и явно напечатанные в других странах.

А потом Анна исчезла. Я не знаю, где теперь все эти книги. Я обшарил все полки – вдруг Анна нечаянно сунула их туда, – но так ничего и не нашел. Наверное, она сложила их в цветной мусорный мешок – у нее были такие: для каждого вида мусора – свой цвет, – и забрала с собой.

Дальше – мрак. Попытки забыться, чтобы не чувствовать боли. Задернутые шторы и водка. И тревожная тишина. Так бывает накануне затмения, когда вдруг замолкают птицы. Помню, что сидел в гостиной, тупо уставившись на стакан, и пытался сообразить: как посчитать, на сколько пальцев в нем водки – по горизонтали или по вертикали?

По дому гулял сквозняк. Задувало из-за двери, сквозь щели в стенах. Думаю, я знал, откуда он взялся, но не мог заставить себя пойти туда, не мог подняться вверх. Ведь это старое, омертвевшее место уже не было нашим домом. И второго этажа для меня больше не существовало. словно взрослые строго-настрого запретили входить в те комнаты, потому что прятали в них свои секреты. Так я и сидел внизу, чувствуя, как ветер холодит шею. Все ушли, оставив мне невыносимую тишину, захватившую все вокруг.

О, ей бы это определенно понравилось: вшивый пабишко, я в одиночестве забился в дальний угол, телевизор показывает лишь помехи, а какой-то парень, прикидывающийся глухим, пытается продать светящиеся в темноте брелоки с диснеевскими винни-пухами. В двери пивнушки зияет дыра, будто кто-то изо всех сил ее пнул, и сквозь прибитый сверху кусок полиэтилена, хлопающий на ветру, я вижу слоняющихся по стоянке подростков: они курят и выделывают разные номера на стареньком велосипеде для трюков.

«Так я и знала».

Нет, вслух она бы этого не произнесла – не ее уровень. Это было бы написано у нее на лице: бровь чуть вздернута, улыбка вот-вот тронет губы.

Анна считала, что мне слегка недостает интеллигентности: сразу видно, что я рос в муниципальном районе. Как-то раз я упомянул, что отец по воскресеньям пропадает в букмекерской конторе. Вежливое недоумение, снисходительная полуулыбка – вот что было мне ответом. Потому что ее семья даже в пабах не бывает. «Что, и на Рождество?» – спросил я. «Ну

да», – сказала она. После обеда они могут пропустить по стаканчику шерри, не более того. Им больше нравится ходить в церковь, слушать звон колоколов.

Сейчас здесь темно, и я не помню, было ли так всегда, или когда-то сюда заглядывало солнце. Снаружи кто-то заводит машину, и огни фар на мгновение пронзают полумрак заведения, выхватывают из темноты предметы и людей, словно прожектор на тюремной вышке. Я иду к барной стойке и заказываю еще пива. Сидящие на табуретах выпивохи дружно поворачивают головы и кивают, но я стараюсь на них не смотреть.

Среди них, лицом к двери, сидит крепкий рыбак. Он рассказывает расистский анекдот о неверной жене и единственном лобковом волосе, и я вспоминаю, что слышал его в детстве, на пути из школы: это было в одном из закоулков Восточного Лондона, превращенном в свалку для порножурналов и банок из-под колы. На последней фразе завсегдатаи смеются, но барменша отворачивается, даже не улыбнувшись. На стене позади нее висят пинапы с третьей страницы «Сан» и газетными вырезками о событиях одиннадцатого сентября в рамках.

– Четыре десять, милый, – говорит барменша и ставит передо мной полный бокал.

У меня трясутся руки, и, пытаясь выскрести из бумажника мелочь, я рассыпаю монеты на стойку.

– Извините, – бормочу я. – Руки замерзли.

– Еще бы не замерзли, – отвечает она, – в такую-то холодину. Давай-ка я сама.

Женщина собирает монеты со стойки, а недостающую сумму отсчитывает из тех, что лежат у меня на ладони, словно я какой-нибудь немощный пенсионер.

– Вот так, – говорит она. – Четыре фунта десять пенсов.

– Спасибо, – благодарю я, слегка краснея от стыда, и она улыбается.

У нее доброе лицо: в местах, подобных этому, такое нечасто встретишь.

Когда она наклоняется, чтобы выгрузить посуду из посудомоечной машины, я достаю фляжку с водкой и делаю большой глоток. Лучше так, чем заказывать стопку к каждой пинте пива: тогда точно подумают, что алкоголик, и весь вечер будут опасно коситься – как бы ты чего не выкинул.

Я уже собираюсь вернуться в свой угол, как вдруг замечаю в конце барной стойки симпатичную девицу. Чуть раньше я видел ее в компании одного из приятелей рыбака, но того уже нет – умчался на своем прокачанном хетчбэке, визжа шинами так, что до сих пор в ушах шумит. Похоже, у нее были планы на этот вечер: короткая юбка, откровенный топ с блестками, густо накрашенные ресницы.

Убедившись, что барменша не обращает на меня внимания, я снова отхлебываю из фляжки. Меня охватывает знакомое чувство эйфории и безмятежности с налетом легкой грусти. Красотка у стойки перешла на шоты. Что-то прокричав барменше – видимо, они подруги, – она расхохоталась и чуть не свалилась со стула, но вовремя удержала равновесие.

Скоро подсяду к ней. Вот только еще немного выпью.

Прищурившись, чтобы картинки на экране не расплывались, прокручиваю ленту новостей на «Фейсбуке». Страница у меня пустая, вместо фото профиля – бледный мужской силуэт. Я никогда не ставлю лайков, ничего не комментирую, никого не поздравляю с днем рождения и тем не менее регулярно захожу сюда: листаю, осуждаю, листаю, осуждаю – и так без конца. Рассветы и закаты, отчеты о велосипедной прогулке по Шотландскому нагорью, тонны выгруженных из «Инстаграма» фотографий тайской лапши, тостов с авокадо и суши (откуда эта непостижимая страсть фотографировать еду?): все эти посты – словно крошечные замызганные окна, сквозь которые я заглядываю в жизни тех, с кем у меня больше нет ничего общего.

Глубоко вздохнув, делаю по глотку из бокала и фляжки. Мне жаль их, этих падких на трагедии и модные веяния шлюх, у которых вместо фотографий радуга, или трехцветный флаг, или беженцы, или жертвы последней атаки террористов в какой-то богом забытой стране. Они

без усталости плодят хештеги и посты о том, как приятно помогать ближним, – просто потому, что поехали на каникулы в Африку и поучаствовали в строительстве сельской школы или поцеловали грязную руку попрошайки, блеснув своими жемчужно-белыми зубами.

Немного разворачиваюсь, чтобы лучше видеть девушку. Она снова заказала выпивку и прямо-таки заходится от смеха, просматривая какое-то видео и тыча пальцем в экран мобильного в попытке привлечь внимание своей подружки барменши.

Снова опускаю взгляд на экран телефона. Иногда я заставляю себя смотреть на фото чужих детей. Это как сдирать корку, затянувшую свежую рану, – невозможно остановиться, пока не появится темно-красная, с металлическим отливом капля крови. Их много, этих фото: сначала огромные животы, в которых копошится новая жизнь; потом беззубые первоклашки с ранцами и в пиджаках не по росту; выходные на пляже: песочные замки, окруженные канавками, вафельные рожки на песке, выпавшие из неловких ручек. Обувь, выстроенная в ряд на коврике, – сначала большие туфли, потом маленькие башмачки.

И конечно, мамы, тусующиеся на «Фейсбуке». Чтоб им провалиться. Можно подумать, это они выдумали материнство и изобрели вагину. Твердят самим себе, что не похожи на своих матерей. Ну, ясное дело: те ведь не едят киноа, не устраивают из своих волос черт знает что и не ведут собственный блог «Креативные идеи: чем занять непослушных деток младше пяти».

Подхожу наконец к захмелевшей девице. Теперь, когда внутри меня достаточно алкоголя, я чувствую себя увереннее, дрожь в руках унялась. Я встаю рядом и улыбаюсь. Она, пошатываясь, разглядывает меня с ног до головы.

– Не хочешь выпить? – весело спрашиваю я, как будто мы уже знакомы.

В остеклевших глазах промелькнуло удивление. До этого дамочка почти лежала на прилавке, но тут собралась с силами и приняла вертикальное положение.

– Ром с колой, – бросает она мне, напустив на себя прежний неприступно-развязный вид, и отворачивается, барабанив пальцами по стойке.

Пока я делаю заказ, она притворяется, будто ищет в телефоне что-то важное, а на самом деле просто беспорядочно тычет в один значок приложения за другим.

– Кстати, я Роб, – говорю я.

– Чарли, – отвечает она. – Но все зовут меня Чарлз.

– Ты откуда?

– Из Камборна. – Она разворачивается ко мне. – Но сейчас живу здесь, у сестры.

Чарли украдкой зыркает на меня, думая, что я этого не замечаю.

– Ты, поди, и не слышал о Камборне?

– Там вроде руду добывают?

– Ага. Правда, это раньше было. У меня отец на Саут-Крофти работал, пока рудник не закрыли.

У нее сильный корнуэльский акцент: окончаний почти не слышно, отчетливое «р» в конце слов.

– А ты откуда?

– Из Лондона.

– Вон оно как. Славно.

– Ты была в Лондоне?

– Пару раз. – Она снова смотрит в противоположную сторону и делает глубокую затяжку.

Девушка моложе, чем я думал: у нее медного оттенка волосы и мягкие, почти детские черты. Лет двадцать пять, не больше. Есть в ней что-то неуловимо странное, нелепое, и дело не только в ее пьяном поведении и размазанной вокруг глаз туши – просто она совершенно не вписывается в «Смаглерз»: этакая подружка невесты, которая в последний момент решила не идти на свадьбу, а отсидеться в грязном пабе.

– Значит, на выходные сюда?

– Вроде того.

– Ну и как тебе Тинтагель? – спрашивает она.

– Я только сегодня приехал, так что в замок наведаюсь завтра. Я остановился в отеле неподалеку.

– То есть раньше ты здесь не был?

– Нет.

Я солгал, но рассказывать ей о том времени, когда мы ездили сюда, выше моих сил. Тогда нас было трое. Стояло сырое английское лето, дул сильный ветер, и мы кутались в надетые поверх шортов дождевики. Помню, как Джек носился по траве рядом с парковкой, как Анна боялась, что он подбежит слишком близко к краю обрыва, и не переставая твердила: «Держись за руку, Джек, не отпускай руку». Помню, как мы шли по извилистой тропе, а когда взобрались на вершину скалы – погода неожиданно переменилась, будто вмешались высшие силы: дождь прекратился, облака расступились, и появилась радуга.

– Радуга, радуга! – закричал Джек, подскакивая то на одной ножке, то на другой, а опавшие листья танцевали вокруг него, словно языки пламени.

Внезапно, будто кто-то дотронулся до него или шепнул что-то на ушко, он замер в столбе солнечного света, глядя вверх, туда, где в голубом небе растворялся конец разноцветной дуги...

– Все нормально?

– Что? А, да, конечно, – отвечаю я и делаю глоток пива.

– Ты задумался.

– Извини.

Ничего не сказав, Чарли пьет ром с колой и, опустошив стакан наполовину, встряхивает лед на дне.

– Тинтагель вообще ничего, – говорит она. – Я работаю в деревне, в сувенирной лавке. А здесь у меня подруга работает.

Кивок в сторону барменши с добрым лицом.

– Симпатичный паб.

– Сойдет, – соглашается она. – На выходных тут весело, а по вторникам можно и караоке попеть.

– А ты поешь?

Тихий смешок.

– Было раз, больше – ни в жизни.

– Жаль, я бы послушал, – улыбаясь, гляжу ей в глаза.

Она звонко смеется, потом с притворной застенчивостью отводит взгляд.

– Тебе то же самое? Я возьму еще пива.

– А к этому больше не хочешь приложиться? – Она протягивает руку и хлопает по карману моей куртки, где спрятана фляжка.

Значит, она все видела? Проклятье. Пока я думаю, как отвертеться, она осторожно трогает меня за руку:

– Трюкач из тебя никудышный.

Девушка смотрит на запястье, вспоминает, что не надела часы, и проверяет время на мобильном.

– Ладно, давай по последней, – кивает она и, хихикая и оправляя свою слишком облегающую юбку, кое-как слезает со стула. Чарли идет в туалет – о чем не постеснялась во всеуслышание заявить, – и я вижу проступающие под юбкой очертания трусиков, красноватые отметины от табурета на бедрах.

Когда она возвращается, от нее пахнет духами, туши под глазами больше нет, а волосы собраны в хвост. Мы пьем шоты и болтаем, по очереди отхлебывая из фляжки. Потом она заходит на «Ютуб» и сначала показывает мне видео про собак: ее семья разводит риджбеков; затем – ролики с уличными драками и избиением людей, попавшие в объектив скрытых камер, – потому что у нее есть друг, который раньше занимался кикбоксингом, а теперь сидит в тюрьме за насилие.

Я поднимаю голову – и все вокруг сливается в одно яркое пятно. Горит свет, играет какая-то песня, диск заедает, откуда-то доносится резкий свистящий звук работающего пылесоса. Я что – отрубился? Чарли по-прежнему рядом, и мы, оказывается, пьем водку с «Ред Буллом». По лицу Чарли блуждает улыбка, она смотрит на меня влажными глазами и снова начинает смеяться, тыча пальцем в барменшу, которая, насупившись, чистит ковер.

Наконец мы вываливаемся из паба. («Наверное, мне пора домой», – смущенно шепчет Чарли, строя из себя невинную девушку на первом свидании.) Она берет меня под руку, и, глупо хихикая и шикая друг на друга, мы бредем по безлюдной Хай-стрит к сувенирному магазину, где работает Чарли. С грехом пополам одолев лестницу, ведущую в крошечную квартирку над магазином, мы останавливаемся перед дверью. Чарли смотрит мне в глаза, чуть выпятив губы, и на меня накатывает волна пьяного возбуждения. Я рывком привлекаю ее к себе, мы начинаем целоваться, а моя рука шарит у нее под юбкой.

Мы лежим на узком матрасе на полу. Она уткнулась мне в шею, я – ей в макушку – лишь бы не смотреть друг другу в глаза. Выждав некоторое время, достаточное, на мой взгляд, в подобной ситуации, я поднимаюсь и иду в туалет. Заворачиваю в какую-то комнату, щелкаю выключателем и вижу, что ошибся дверью: это не туалет, а детская. После спальни Чарли, где одни голые стены, я никак не ожидал, что в этой квартире может быть такая уютная, прекрасно обставленная комната. Лампа в форме самолета, точно такой же нарисован на стене. На полу коробки с игрушками. На письменном столе лежат цветные карандаши и стопки бумаги, а на доске висят сертификаты и дипломы за достижения в футболе, дзюдо, учебе.

Моя рука сама тянется к ночнику. На потолке тут же появляются бледно-голубые изображения луны и звезд. Подхожу к окну и чувствую едва уловимый аромат кондиционера для белья и детского шампуня. В углу замечаю желтый фонарик – точно такой же был у Джека. Беру его: твердый пластик, прочная резина, огромные кнопки – специально для неловких детских пальчиков.

– Вот ты где, – внезапно раздается рядом голос Чарли.

Я вздрагиваю от неожиданности. Интонация была почти вопросительной.

– Прости, – бормочу я.

Из меня внезапно выветрился весь хмель, в руках снова начинается дрожь.

– Я искал туалет.

Она опускает взгляд, и я обнаруживаю, что все еще держу фонарик.

– Это для моего мальчика, – говорит она. На ее лице танцует маленькая луна. – Сегодня он ночует у сестры, поэтому я в загуле.

Чарли выравнивает стопку бумаги и мелки так, чтобы они лежали параллельно краю стола.

– Я только что сделала здесь ремонт. – Она убирает что-то в ящик тумбочки у кровати. – Пришлось половину своего добра продать, чтобы за него заплатить, но оно того стоило, да же?

– Комната чудесная, – искренне соглашаюсь я, и она улыбается.

С минуту мы стоим, глядя на пляску планет и звезд.

Я знаю, о чем думает Чарли: есть ли у меня дети и люблю ли я их, но мне не хочется слышать эти вопросы, поэтому я целую ее. Она все еще пахнет водкой и табаком. Наверное, ей неуютно оттого, что мы целуемся здесь, в комнате ее сына, поэтому она отстраняется от меня,

забирает из моих рук фонарик и аккуратно ставит его обратно на полку. Потом выключает свет и уводит меня.

Мы возвращаемся на матрас. Чарли чмокает меня в шею – так целуют перед сном детей, пожелав им спокойной ночи, – отворачивается и, не сказав ни слова, засыпает. В комнате прохладно, поэтому я накрываю ее обнаженное тело, подтыкаю одеяло и тут же вспоминаю о Джеке. *Баю-бай, засынай.* Я допиваю водку и лежу с открытыми глазами, пялясь в бледный сумрак и слушая, как дышит Чарли.

2

Утро выдалось холодным, но солнечным. Я прохожу через стоянку, мимо сувенирного магазина «Волшебник Мерлин» и двустороннего рекламного щита: плакат на одной стороне предлагает экскурсии, посвященные королю Артуру, а на другой – две порции корнуэльского чая по цене одной. Оборудование надежно закреплено у меня за спиной. Шагаю вниз, в лошину, потом – по коротенькому участку, выложенному камнями, – это мост на остров. Справа от меня – пологий склон, затянутый вплоть до края утеса зеленым сукном. То тут, то там виднеются кроличьи норы и редкие проплешины песка.

У Чарли я глаз не сомкнул. Когда уходил, она чуть пошевелилась на матрасе, и я представил себе, как она исподтишка следит за мной, дожидается, пока я захлопну за собой дверь. Моя гостиница всего в двух шагах отсюда. Глупо снимать на ночь номер, если до дома рукой подать, но мне хотелось напиться и не думать о том, как не свернуть себе шею на обратном пути.

Взбираюсь по горной тропе. Голова раскаляется, во рту все еще чувствуется вкус «Ред Булла». Медленно, поскольку склон становится все круче, а сумка с фотоаппаратом все тяжелее, поднимаюсь по деревянным ступенькам, ведущим к руинам замка. Край скалы так близко, что до меня долетают соленые брызги. Я останавливаюсь, чтобы передохнуть и понаблюдать за приливом: море стремительно наступает, беспощадно поглощая замки из песка и водоросли, выброшенные на берег во время последнего отлива.

Отдохнув, карабкаюсь еще выше, к заброшенной смотровой площадке. Туристов здесь не бывает, только ветер да чайки. Я нахожу плоский участок земли и кладу на него прихваченную с собой деревянную доску: она нужна для того, чтобы тренога стояла ровно и не дрожала. Сверху придавливаю ее грузом, чтобы во время съемки ненароком не сдвинуть ее с места. Закрепив на треноге объектив, я подсоединяю к нему камеру и проверяю, достаточно ли плавно она вращается.

Условия для съемки великолепные: оттенки моря, песка и травы такие живые и насыщенные, что невольно сомневаешься в реальности пейзажа: кажется, будто все это – иллюстрация в детской книжке. Я поворачиваюсь к морю спиной и смотрю на изгибы холмов, их пологие склоны, убегающие в долину, в которой приютился игрушечный городок. Это место невероятно. Отсюда кажется, что можно вытянуть руки и дотронуться до земли, погладить ее, ощущая пальцами все бугорки и впадинки, прочесть послание, написанное шрифтом Брайля.

Ветер усиливается: пора приниматься за работу. Я начинаю съемку панорамы с северо-востока. Делаю одну серию снимков за другой, каждый раз поворачивая камеру на определенный угол, до тех пор, пока не возвращаюсь в ту точку, с которой начал.

Когда жужжание камеры затихает, я смотрю на экран, проверяя, все ли кадры сохранились. Потом упаковываю оборудование и отправляюсь тем же путем вниз, на стоянку.

Около часа на машине вдоль побережья – и я буду дома. За все время, что я еду по деревне, мне не встречается ни души. Киоск на углу не работает: его открывают только с началом сезона. Дорога ведет мимо церкви, потом петляет среди дюн; оставив позади информационное бюро Национального фонда, я пробираюсь по более проселочной дороге, которая ведет на вершину скалы. Здесь стоит мой дом.

Этот коттедж, примостившийся на голой скале, покорила меня не потому, что отрезан от мира, – на противоположном берегу бухты находится Сент-Ив, но здесь на многие мили кругом других построек не встретишь. Меня пленило в нем то, что он совершенно беззащитен перед беспощадным натиском стихии. Когда дождь хлещет в окна и стены сотрясаются от штормового ветра, кажется, что дом вот-вот рухнет и обломки унесет в море.

Едва переступив порог, я наливаю себе огромный стакан водки и поднимаюсь в свой кабинет. Усевшись за письменный стол, я долго смотрю в слуховое окно на бухту. Потом включаю компьютер и захожу в свой профиль на сайтах знакомств «ОКупидон» и «Хэвенли Синфул». У меня одно сообщение – от Саманты, с которой я общался несколько недель назад.

Приветик, ты куда пропал? Еще не передумал встречаться?

Я щелкаю на раздел с ее фотографиями, сплошь идиотскими: какие-то лакированные туфли, сломанные зонтики, вид из иллюминатора на крыло самолета, сердечки на пене капучино. Наконец нахожу одно ее фото, сделанное в отпуске, и вспоминаю, что она недурна собой – худенькая темноволосая мышка.

Вообще-то это ты пропала! Конечно не передумал...

Я подключаю камеру к компьютеру, скидываю на рабочий стол новые снимки и, просмотрев их, ликую: кадры хорошо совмещены друг с другом, обработки потребуются минимум. Загружаю их в программу, которую написал сам, и она сшивает изображения в круговую панораму. Границы между ними размываются, перемешиваются, словно рассасывающиеся шрамы.

Со светом никогда не угадаешь. Бывает, день кажется идеальным для съемки, но кадры получаются – одно расстройство: то зернистые, то пересвеченные. Но только не сегодня: здесь море играет на солнце, трава сочно-зеленая, как сукно на бильярдном столе, а над горизонтом видны слабые очертания луны.

Программа закончила работу, и теперь панорама напоминает гобелен из Байё в миниатюре. Я пакую ее в контейнер, делаю прописку в коде, чтобы пользователи могли приближать, отдалять и вращать изображение, и загружаю ее на свой сайт «Небо принадлежит нам».

Вообще говоря, меня удивляет его популярность. Он начинался как хобби – нужно же было как-то убивать время, – но вскоре ссылка на него появилась на многих форумах для фотолюбителей. Посыпались вопросы: как вы это делаете? Какое оборудование используете? О нем даже в «Гардиан» упоминали, в статье о панорамной съемке. «Бесхитростная красота» – вот что написал о моих фотографиях автор, и впервые за долгое время я испытал прилив гордости.

В комментариях под фото, да и в электронных письмах меня часто спрашивают: почему «Небо принадлежит нам»? Это отсылка на что-то? А я даже не знаю, что им ответить. Эта фраза крутится у меня в голове с того момента, как я уехал из Лондона, и я понятия не имею почему.

Гуляю ли я по дюнам, сижу ли за столом в кабинете, глядя на море, я шепчу про себя: «Небо принадлежит нам, Небо принадлежит нам...» Просыпаюсь и засыпаю под звук этих трех слов, твержу их словно мантру или молитву, которую меня заставили вызубрить еще в детстве.

Загрузка завершена. Я смотрю в окно и пью водку, ожидая характерного звука. На этот раз ждать приходится дольше обычного – десять минут вместо пяти, – и вот появляется первый комментарий.

От пользователя свон09.

Великолепно. Продолжай в том же духе.

Он всегда пишет примерно одно и то же: «Прекрасно», «Чудесно», «Береги себя» – и сразу же после загрузки, как будто ему приходит специальное оповещение.

За окном почти ночь, и перед тем как идти в постель, я наливаю еще водки. Меня уже охватило дремотное состояние – предыдущая порция сделала свое дело, – но мне хочется опьянеть еще сильнее, чтобы сразу провалиться в сон.

Иногда мне нравится думать, что эти комментарии от Джека. Места на фото ему хорошо знакомы, ведь он видел их собственными глазами: Бокс-Хилл, Лондонский глаз, смотровая площадка в Саут-Даунс. Теперь вот Тинтагель.

А чтобы он их не забывал, я оставляю ему послания – зашитый в код текст: браузеры его не распознают, но программист обнаружит без труда. И Джек, надеюсь, тоже. Я пишу то, что хотел бы ему сказать, если бы мог. То, что сказал бы, не отними она его у меня.

Тинтагель

джек, помнишь, как на стоянке ты упал в кусты ежевики. обеими руками в них вцепился, родной, обеими руками. и на ладошках вскочили маленькие красные волдырики. я поцеловал пальчики, чтобы вавка скорей прошла, а ты обхватил меня руками и уткнулся мне в шею. помню все как сейчас. твои поцелуи, как шепот ветерка, твои веснушки, похожие на крошки имбирного кекса. твои глаза, теплые, как вода на отмели.

Часть 2

1

Ты не похож на компьютерщика, – сказала она.

Это были последние деньки нашего студенчества, наполненные бездельем и солнцем, когда все экзамены позади, а результаты еще неизвестны. Мы встретились в одном из кембриджских пабов. Она сидела за барной стойкой, и я, уже чуть захмелевший, решил с ней заговорить.

– Ну да, не хватает дипломата и футболки с надписью «Властелин колец».

Она улыбнулась, но без издевки, а скорее с пониманием: ей самой наверняка не раз приходилось слышать подобные шутки. Когда она повернулась к бармену, пытаясь заказать выпивки, я исподтишка рассмотрел ее: миниатюрная, черные волосы тщательно зачесаны назад, бледный оттенок кожи смягчает резкие черты лица.

– Кстати, я Роб.

– Я Анна, – ответила она. – Приятно познакомиться.

Я чуть не прыснул со смеху: прозвучало очень официально, но вид у нее при этом был серьезный, так что было непонятно, шутит ли она.

– А ты что изучаешь? – спросил я, лишь бы поддержать разговор.

– Экономику. – Анна, сощурившись, смотрела на меня сквозь очки.

– Ух ты, круто.

– Здесь ты должен был сказать: а ты не похожа на экономиста.

Я взглянул на ее гладкую, как зеркало, прическу, потом на ее сумку, набитую книгами, ремешок которой она обмотала вокруг ножки своего стула, и улыбнулся.

– Что смешного?

– Вообще-то, немножко похожа, – признался я. – В хорошем смысле.

Ее глаза вдруг заблестели, она уже открыла рот, приготовившись ответить – по-видимому, что-то остроумное, – но так ничего и не сказала: наверное, решила, что не будет нужного эффекта.

Я знал, что она подруга Лолы, чей день рождения мы отмечали, но это казалось невероятным. Та была глупа как пробка и на каждом шагу твердила, что ее называли как в песне группы «Кинкс», которую она охотно исполняла по просьбам всех желающих. Лола, известная на всю округу благодаря тому, что на летнем балу танцевала нагишом.

И Анна, в ее скромной одежде и практичных туфлях. В кампусе она часто попадалась мне на глаза с каким-то музыкальным инструментом в футляре, который она тщательно крепила за спиной, вместо того чтобы просто перекинуть ремень через плечо. И шагала всегда с таким целеустремленным видом, будто спешила по важному делу.

– И для чего тебе информатика? – поинтересовалась она.

В смущении я перевел взгляд на друзей, толпившихся у игрового автомата. Какой-то странный вопрос: я же не древнюю историю изучаю, в конце концов. Эта Анна словно из прошлого века выпала: говорила чуть манерно, добросовестно произнося каждый звук, словно стараясь подчеркнуть разницу между собой и остальными. Типа такая правильная девочка, сошедшая со страниц романа Энид Блайтон.

– Буду создавать карты, – нашелся я наконец.

– Карты?

– Онлайн-карты.

Выражение ее лица не изменилось.

– Ты слышала о картах «Гугл»?

Она мотнула головой.

– О них недавно в новостях говорили. Я сейчас пишу программы для таких приложений.

– То есть ты будешь работать в какой-то компании? – уточнила Анна.

– Нет. Я хочу свою собственную.

– Вот как, – произнесла она, водя пальцем по краю пустого бокала. – Должна признать, звучит весьма амбициозно. Правда, я мало что смыслю во всех этих компьютерных штуках.

– Можешь дать мне свой телефон?

– Что?

– Я тебе сейчас все покажу.

Пошарив в сумке, Анна растерянно протянула мне старенькую «нокию».

Я не смог сдержать улыбку.

– Да ладно тебе, – ухмыльнулась она в ответ, и на ее щеках обозначились почти симметричные ямочки. – Мне и такого хватает.

– Даже не сомневаюсь, – заверил я и взял мобильный, слегка коснувшись ее пальцев.

– Итак... Представь, что у тебя телефон с большим экраном, возможно, даже сенсорным, и в него загружена карта. И люди – вообще какие угодно люди – могут отмечать на этой карте рестораны, пешеходные маршруты – да что угодно. Вот для этого я и разрабатываю программное обеспечение – чтобы каждый мог подогнать карту под себя, отметив на ней то, что нужно лично ему.

Анна задумчиво прикоснулась к голубому экрану «нокии».

– Звучит интересно, – сказала она. – Хотя я и не большая сторонница технического прогресса. А эсэмэски я отправлять смогу?

– Сможешь, – усмехнулся я.

Глядя на ее каменное лицо, я никак не мог понять, шутит она или нет.

– Тогда ладно. Так вы с Лолой друзья?

– Это громко сказано, – ответил я. – Мы познакомились на первом курсе – жили на одном этаже.

– А, – сказала она, – так ты тот Роб.

«Тот Роб»? Неужели я по пьяни что-то учудил? Помню, несколько семестров назад я встретил Лолу в «Фез-Клабе». Она тогда целый вечер ныла о том, как воспитывалась в Кенсингтоне: можно было подумать, будто самое худшее в жизни с ней уже случилось. Утомительная девица, я чуть не умер со скуки, пока ее слушал, но сомневаюсь, чтобы я ей тогда нагрубил.

– В смысле – «тот Роб»? – переспросил я, нервно улыбаясь.

– Ничего особенного, просто Лола как-то о тебе упоминала, – спокойно ответила Анна и снова попыталась привлечь внимание бармена. – Она сказала, что ты типа компьютерный гений, этакий вундеркинд, да вдобавок еще и из муниципального района.

Последнюю фразу она произнесла на выдохе, и ее лицо приняло насмешливо-издевательское выражение.

– По ее словам, это просто чудесно, что ты тоже, как и все мы, получил шанс попасть сюда, – хихикнув, закончила Анна.

– Как мило с ее стороны, – улыбнулся я. – Отлично сыграл парень.

– Что-что?

– Так в футболе говорят.

– Ясно. Просто я не разбираюсь в спорте, – произнесла она таким тоном, как будто мы играли в «Счастливый случай» и она выбирала категорию вопросов.

Народ в пабе тем временем прибывал. Нас все больше теснили, мы все ближе придвигались друг к другу, и наши обнаженные руки соприкасались все чаще. На шее Анны я заметил

родимое пятнышко в форме сердечка. Словно загипнотизированный, я уставился на этот крошечный островок ее кожи, и тут она перехватила мой взгляд.

– Откуда ты знаешь Лолу? – спросил я, поспешно отводя глаза.

– Мы в одной школе учились, – неопределенно ответила Анна, будто ее мысли были заняты чем-то другим.

– В «Реден Скул»?

– Да.

Престижное заведение, но, в отличие от других его выпускниц, она не страдает звездной болезнью и комплексом августейшей особы.

– Ну а теперь расскажи о себе, – попросил я.

– А что тут рассказывать? – ни с того ни с сего ошетижилась она.

– Ну, в смысле, расскажи, чем ты будешь заниматься после выпуска.

– А, понятно. Бухучетом, – последовал мгновенный ответ. – Меня приглашают на работу пять компаний в Сити. К концу недели определюсь с выбором.

– Ого, впечатляет.

– Да не особо. Такая уж у меня профессия. Точнее, пока нет, но скоро будет. – Анна слабо улыбнулась. – Как думаешь, удастся нам сегодня выпить?

– Нет. По крайней мере, не сейчас. – Я кивнул в сторону компании парней в полосатых футболках регби. На одном из них не было ничего, кроме трусов и защитных очков, напавших маску аквалангиста.

– Да уж, – пробормотала Анна и отвернулась.

Она явно заскучала, и я уже представил, как она слезает со стула и, продираясь сквозь толпу, направляется к своим друзьям и я больше никогда ее не увижу.

– Хочешь, сходим куда-нибудь? – в отчаянии выпалил я.

– Хочу, – ответила она, едва дав мне договорить.

Может, она меня не расслышала?

– Погоди, я...

– Ой, извини, – перебила она, – я, наверное, не так поняла: мне показалось, ты зовешь меня на свидание.

– Вообще-то, так и есть.

Из-за музыки я едва ее слышал, поэтому придвинулся еще ближе.

– Вот и хорошо, – улыбнулась Анна.

Я почувствовал исходивший от нее запах – запах геля для душа и только что вымытых волос.

– Прости, очень уж тут громко, – сказал я. – Тогда можно мне твой номер телефона, или адрес электронной почты, или что-то еще для связи?

Анна отступила немного назад, и я чуть не потерял равновесие, – оказывается, я почти висел на ней.

– Конечно – но при одном условии.

– Договорились, – согласился я, продолжая прокручивать в голове ее слова про «того Роба». – Что за условие?

– Ты отдашь мне мой телефон.

Только тут до меня дошло, что я все еще сжимаю в руке ее «нокию».

– Блин, совсем забыл, прости.

Она улыбнулась и положила телефон в сумку.

– Запоминай. Мой адрес: аннамитчеллроуз собака яху точка ком точка юкей. «Аннамитчеллроуз» в одно слово, без точек и тире, «митчелл» с двумя «эль».

Кинотеатр, неделю спустя. На экране шли трейлеры. Я ощущал тепло ее тела, и мне очень хотелось дотронуться до ее голой ноги. Я то и дело поворачивался к Анне, надеясь, что она тоже повернется и наши взгляды встретятся, но тщетно. Она сидела как изваяние, в своих очках в толстой оправе, не отрываясь от экрана и выпрямив спину, будто в церковь пришла, а не в кино. Единственное движение, которое она делала время от времени, – бесшумно доставала из пакетика разноцветные конфеты, которые до этого мы купили в универмаге. Я еще с интересом наблюдал, как сосредоточенно она их выбирает – ровно по пять штук каждого вида.

Фильм был про какого-то придурка, который путешествовал автостопом по Северной Америке и умер на Аляске. Я сидел как на иголках, все ждал, когда же кончится эта нудятина. А вот Анна, судя по тому, что за все время она почти не шелохнулась, была в восторге.

Я уже начал думать, что она из тех фанатов, что остаются в кресле до самого конца, в благоговейном восторге дожидаясь последней строчки титров, но ошибся: как только картинка на экране сменилась черным фоном, она встала и взяла пальто.

– Ну и как тебе? – спросил я, когда мы поспешно спускались в бар.

– Кошмар, – отрезала она. – С первой и до последней минуты.

– Серьезно?

– Да. Чудовищный фильм.

В крошечном лобби-баре стояло старинное пианино. Мы заняли столик рядом с ним.

– Забавно, – сказал я. – Я-то думал, тебе нравится.

– Отнюдь. Главный герой мне сугубо неприятен. Путешествует в свое удовольствие, не удосужившись предупредить родителей. Главное, что ему хорошо, а на всех остальных начхать.

«Начхать». Услышь такое мои товарищи детства, уж они бы повеселились.

– Но он отказался от материальных благ, деньги сжег – разве не круто? – Мне доставляло удовольствие подтрунивать над ней. Анна сняла очки, протерла их кусочком ткани и убрала в футляр, который выглядел так, будто достался ей от прабабушки.

– Да что в этом крутого-то? – яростно возразила она, и на ее щеках вспыхнул румянец негодования.

Тут она посмотрела на меня, прищурилась, и я подумал, что сейчас она снова достанет очки.

– Все ясно, ты надо мной издеваешься, – улыбнулась она. – Но тут ведь правда ничего крутого нет. Его родители тяжело трудились, чтобы их сын ни в чем не нуждался, а он взял и все бросил, объясняя свой поступок какой-то дурацкой идеей – незрелой и неубедительной. Безнадежно избалованный и эгоистичный человек.

Тут подошла официантка с нашими напитками, и Анна осеклась, словно ей стало неловко. Когда мы снова остались одни, она спросила:

– А тебе фильм понравился?

– Ничуть, – ответил я. – Я еле до конца досидел.

Лицо Анны просияло.

– Очень рада это слышать.

– Что он там постоянно твердил? «Каждый день стремись к новым горизонтам»?

– Вот-вот, – подхватила Анна. – Нравоучительная банальщина в духе нью-эйдж.

– А знаешь, что было действительно смешно?

– Что?

– Он так упорно шел к своей мечте – жить там, где не ступала нога человека, – а в итоге облажался из-за того, что попросту не подготовился как следует.

– Точно, – рассмеялась Анна, и ее голубые глаза весело заблестели в оранжевом полумраке бара. – Господи, так и есть: он был совершенно не приспособлен к подобной жизни. Если бы он сначала спросил совета у бывалых людей – экспертов по выживанию в условиях дикой природы, например, – то, может, и не умер бы.

– Каких-каких экспертов?

– По выживанию в условиях дикой природы, – повторила она упрямо. – Я уверена, что такие специалисты существуют.

И сделала крошечный глоток из своего бокала. Она была очень красива: изгиб рта говорил о том, что она любит улыбаться; в глазах вспыхивали задорные искорки. Нет, она явно была слишком хороша для меня. Наверняка она уедет в Лондон и выйдет замуж за одного из тех парней, что с детства по ней сохнут.

– Расскажи о себе. Где твои родители? – спросила Анна, и тут только до меня дошло, что я в открытую на нее пялюсь.

– У меня остался отец в Ромфорде.

Пауза, еще один маленький глоток.

– А мать? Они развелись?

– Нет, мама умерла. Мне было пятнадцать.

– О, прости, – поспешно сказала она. – Это очень грустно.

– Да ничего, – ответил я. – Ты ведь не виновата.

Я ухмыльнулся, и она, оценив шутку, улыбнулась в ответ.

Я не любил рассказывать о том дне, когда вышел из школы и увидел за оградой отца в его лучшем костюме. Он не стал ходить вокруг да около: «Маме на работе стало плохо, – сказал он, – обширный инсульт». А они все время шутили, что первым из них умрет он.

– А ты откуда? – спросил я у Анны.

– У нас в Суффолке дом. Правда, домом его можно назвать с большой натяжкой – слишком уж редко мы в нем бывали.

– Ну да, непростое, наверное, это дело – иметь несколько домов: приходится разрываться.

Сам не знаю, почему я это сказал. Хотел непринужденно пошутить, а получилось как-то пошло и зло.

Анна зыркнула на меня из-под бровей и быстро отхлебнула из бокала, как будто торопилась допить и уйти.

– Вообще-то, Роб, если хочешь знать, в «Редене» я училась только потому, что получала там стипендию, а у моих родителей нет за душой ни гроша.

– Извини, я... я не это имел в виду. – Я запнулся. Анна хмурилась, не в силах скрыть раздражение.

– И пока ты не начал доказывать, что тебе жилось намного хуже, знай: мои родители были миссионерами, и большую часть детства я провела в Кении, в таких трущобах, по сравнению с которыми твой муниципальный район покажется оплотом роскоши и безопасности.

Она отвернулась, и некоторое время мы молчали.

– Ну прости, у меня и в мыслях не было тебя задеть, – сказал я.

Анна вздохнула, нервно покрутила в руках меню. Потом улыбнулась и снова повернулась ко мне:

– Это ты прости. Зря я на тебя набросилась. Видишь, не только тебя может занести не туда.

Этим вечером мы начали целоваться, едва переступив порог спальни. Через несколько головокружительных минут Анна отстранилась, и я уже испугался, что она передумала. Однако после непродолжительной паузы она стала раздеваться, ничуть не смущаясь моего присутствия, а я наблюдал за ней, скользя взглядом по стройным бедрам, аккуратным грудкам, бледным тонким рукам. Раздевшись догола, она сложила одежду ровной стопкой на моем письменном столе.

Еще подростком я уяснил одну истину: близость не терпит суеты. Продвигайся к цели осторожно, миллиметровыми шажками, и будь готов к тому, что в любой момент можешь совершить ошибку и остаться ни с чем. Однако с Анной все вышло наоборот. Она оказа-

лась ненасытной и раскованной, что никак не вязалось с ее образом благопристойной тихони. Она жаждала лишь удовольствия, и мне, тогда еще плохо знающему женщин, это показалось любопытным: я думал, что так самозабвенно предаваться сексу свойственно только мужчинам. Отгородившись от мира наспех задернутыми шторами, мы наслаждались друг другом до самого рассвета, пока наконец, взмокшие и вымотанные, не провалились в сон.

В зале пахло резиной и потом. Я ждал Анну. В спортивной одежде – футболке с эмблемой «Вест-Хэма» и шортах «Умбро» – мне было слегка не по себе, но очень уж не хотелось, чтобы Анна считала, будто я только и делаю, что целыми днями торчу у монитора. Поэтому я и согласился на партию в сквош: Анна говорила, что пару раз играла в него в школе.

Примерно вечность спустя она появилась: в широких мужских шортах и белой блузке – ни дать ни взять звезда большого тенниса из 20-х.

– Ну что опять не так? – вскинулась она.

– Ты о чем? – Я изо всех сил старался не рассмеяться.

– Можно подумать, ты одет по стандарту. Тут тебе не футбольное поле, между прочим.

– Да я вообще молчу, – запротестовал я, улыбаясь и отводя взгляд.

– Тогда, может, начнем? – предложила она, обеими руками вцепившись в ракетку.

Мы начали потихоньку разогреваться. Анна неистово размахивала руками, практически не попадая по мячу. Даже подавать у нее толком не получалось.

– В очках мне было бы проще, – заявила она, снова отправив мяч в потолок.

Мы помучились еще некоторое время, но перейти от этого безобразия к нормальной игре нам так и не удалось.

– Ну хорошо. Я соврала, – призналась наконец Анна, после того как в очередной раз упустила мяч.

– Соврала?

– Я никогда не играла в сквош.

– Да ты что? – Я чуть было не поперхнулся от смеха.

– Лола мне сказала, что сквош простой, любой дурак может освоить. Видимо, не любой. Жаль, я ее тогда не сфотографировал. Она была безумно хороша: ее ноги в темных фла-нелевых шортах казались еще бледнее, на щеках с ямочками выступил румянец.

– А ты правда до этого всего несколько раз играл? – спросила Анна.

– Раза три-четыре, еще в школе дело было.

Она замолчала, прикусив губу.

– Честно говоря, я спорт терпеть не могу.

– А мне казалось, ты хочешь поиграть, – удивился я, обнимая ее за плечи.

– Нет, я думала, это ты хочешь, – ответила она, тихонько постукивая ракеткой по ноге. – Я боялась, что ты решишь, будто я веду малоподвижный образ жизни.

Я непроизвольно улыбнулся. «Малоподвижный образ жизни» – ну кому еще придет в голову такое сказать? Вяло покидав мяч еще минут пять, мы наконец плюнули на сквош и вышли из зала на улицу.

Солнце палило нещадно. Мы взобрались на невысокую стену, с которой открывался вид на огороженную хоккейную площадку. Там бегали дети – малыши и несколько подростков, – очевидно, это было что-то наподобие спортивного лагеря.

Мы оба решили, что на лето останемся в Кембридже, а жить будем на остатки наших кредитов на учебу. Анна сказала, что хочет узнать, каково это – побыть в Кембридже туристом, а не студентом. Раньше она не могла позволить себе такую роскошь – приходилось денно и нощно трудиться, чтобы в итоге получить диплом с отличием первой степени. Поэтому мы плавали на лодке, гуляли вокруг колледжей, днем бродили по музею Фитцвильяма, а по утрам отправлялись в ботанический сад. Но большую часть времени мы просто не вылезали из постели.

Понемногу все наши друзья разъехались: кто-то, вскинув на плечи рюкзак, рискнул отправиться в пеший тур по Австралии, кто-то вознамерился исколесить в фургоне Южную Америку. Мне было горько сознавать, что я, оставаясь здесь, упускаю что-то важное, и все-таки мы с Анной сошлись на том, что путешествия не для нас: разве затем мы поступали в Кембридж, чтобы потом, «в поисках себя», очутиться где-нибудь в Андах, пустив псу под хвост все, чего добились за эти годы.

Хотя, говоря по правде, нам просто не хотелось расставаться. Мы были неразлучны, как два влюбленных подростка, которые, к восторгу друзей и отчаянию родителей, неумолимо приближаются к пропасти сладостного грехопадения. Мы пробовали ночевать каждый в своей комнате, но, промаявшись самое большее час, снова бежали друг к другу. В одной из ранних песен «Блёр» есть такая строчка: «мы рухнули в любовь». Так вот, мы оба рухнули в любовь, нырнули в нее с головой.

Окружающие считали Анну замкнутой и равнодушной, но я видел ее другой. В один из вечеров она, без каких-либо намеков с моей стороны, выложила как на духу подробности своей жизни в Кении с родителями-миссионерами. В своей обычной манере, тщательно подбирая слова, она рассказала о том, как отец ударился во все тяжкие и отдалился от церкви, а мать, осуждавшая его за это, направляла всю свою любовь на добрые деяния.

Воздух раскалялся все сильнее. Мы сидели на стене, прихлебывая воду из термоса, который захватила с собой Анна.

– Хочешь, еще раз сыграем?

– Нет, – отрезала она. – Хватит с меня на сегодня унижений.

– А мне понравилось.

– Конечно, – фыркнула она. – Еще бы тебе не понравилось.

– Ты в этих шортах такая хорошенькая.

Анна улыбнулась и легонько ткнула меня в бок.

– Господи, ну и жара, – простонала она, вытирая вспотевший лоб.

Слабый ветерок, приносивший до этого хоть какое-то облегчение, утих, и уже ничто не спасало нас от беспощадного зноя.

– Пойдем в тень? – предложил я, указывая на другой конец поля, где был установлен навес.

Анна всмотрелась вдаль.

– Но для этого нужно пересечь поле, – возразила она. – А ты погляди, что там творится.

Тут только мы заметили, что к детишкам присоединились звери, точнее, взрослые в скверно сшитых костюмах льва, тигра и панды – этикие страшили, которых выгнали из Диснейленда.

Дети выстроились в шеренгу. Судя по всему, начиналось вручение каких-то призов.

– Что там происходит? – спросила Анна.

– Награждение, наверное.

– Это я понимаю, но животные-то тут при чем?

Я молча пожал плечами. Анна сощурилась, пытаясь рассмотреть получше.

– Жуткие они какие-то, – произнесла она.

– Животные или дети?

– Животные.

Я пригляделся. И действительно: застывшие на пушистых мордах улыбки производили весьма зловещее впечатление.

– Немало их там собралось, – заметил я.

– И не говори, – настороженно поддакнула Анна.

– Ну так что – рискнем? – предложил я, спрыгивая со стены.

– Нет, – запротестовала она. – Нельзя вот так пробежать через все поле, Роб, – там ведь идет официальное мероприятие.

– Не арестуют же нас за это.

– А вдруг?

– Короче, ты как хочешь, а я пошел. – Я оглянулся, ожидая, что она последует за мной. – Лучше уж быть арестованным, чем изжаренным на солнце.

С этими словами я побежал вперед, но Анна – нет. Она по-прежнему в нерешительности топталась у края площадки, словно перед ней был бассейн и она все никак не могла собраться с духом, чтобы в него прыгнуть.

Без помех добежав до навеса, я махнул ей рукой: давай, мол, сюда, – и она осторожно ступила на поле. Решив, что если идти спокойным шагом, то никто ее не заметит, она не спеша двинулась в мою сторону. Однако ее нервозность отразилась и на походке – было в ней что-то неестественное, что сразу бросалось в глаза. И не только мне. Ведущий с микрофоном в руке вдруг замолк, и все присутствующие – дети, родители и звери – разом повернулись и уставились на Анну.

Осознав, что невольно оказалась в центре всеобщего внимания, Анна вежливо улыбнулась – и быстро засемила прочь. В этих шортах и блузке ее можно было бы запросто принять за подростка. Так же, видимо, решил и огромный оранжевый тигр: он настиг ее в центральном круге поля, обхватил своими лапищами и потащил к остальным детям. Я засмеялся, предвкушая, как она сейчас начнет отбиваться, но ошибся: Анна – вежливая, кроткая Анна – послушно встала в очередь.

После вручения детей поздравляли звери. Даже отсюда я видел ужас на лице Анны. С медалью на шее она переходила из одних пушистых объятий в другие, но сама ни разу никого не обняла. А когда медведь попытался примостить голову у нее на плече, она отскочила от него как ошпаренная.

После поздравлений дети побежали к своим гордым родителям, а Анна, сконфуженно улыбаясь, пошла ко мне. Щеки у нее покраснелись, а к блузке прилипли комочки разноцветного ворса.

– Ну ты даешь, – засмеялся я. – Это что вообще было?

Анна захихикала и вытерла лоб:

– Я запаниковала. Не знала, что мне делать. Этот тигр не оставил мне шанса.

– А почему просто не ушла? – Я протянул ей термос с водой.

– Не знаю. Я встала в шеренгу, а потом... было уже слишком поздно уходить... И хватит смеяться. – Она насупилась. – Вовсе это не смешно.

– Еще как смешно.

– Ну, если только самую малость. Кстати, это все из-за тебя!

– Это еще почему?

– Потому что это ты погнал меня через поле. Ты просто идиот, – сказала она, отхлебывая из термоса. – Сбылся мой самый страшный кошмар – меня обнимали на людях.

– Да еще и животные.

– Вот именно.

Мы сидели в тени, наслаждаясь прохладой, и я знал, что люблю ее – так сильно, что сильнее уже невозможно. Она умела посмеяться над собой. И еще я знал, что мне до конца жизни не забыть укоризненного взгляда, которым она наградила того не в меру резвого медведя.

Стоял очередной изнуряюще жаркий день. Захватив с собой бутылку вина и несколько сэндвичей, мы отправились на реку Кэм. Берега были окутаны маревом, словно утренний туман решил сегодня задержаться; в одном из кафе играли на пианино, и до нас доносились отзвуки джазовой мелодии.

– Сколько можно с ней возиться? – спросила Анна.

На последние деньги, оставшиеся от кредита, я купил цифровую камеру и несколько объективов.

– Еще чуть-чуть, – ответил я, копаясь в настройках: никак не мог понять, как изменить скорость затвора.

– Ну правда, хватит направлять ее на меня. Я себя чувствую моделью.

– А ты и похожа на модель, – заявил я и сфотографировал ее. Она показала мне язык и развернулась к реке, вытянув ноги.

– Ну и как успехи? – словно невзначай спросила она.

– В чем?

– В поисках работы.

– А. Разослал резюме в пару-тройку компаний, но ответа пока нет. Тебе подлить?

Анна накрыла ладошкой свой пластиковый стаканчик и отрицательно помотала головой. Я плеснул себе немного вина.

– Ты будто и не беспокоишься вовсе.

Я пожал плечами:

– А чего мне беспокоиться?

Анна поджала губы: верный признак того, что она с чем-то не согласна.

– Ты написал всего-навсего в несколько компаний, я же – в пятнадцать, из которых только пять предложили мне работу.

– А остальные десять что сказали?

– Ничего, – ответила она. Вид у нее был какой-то отрешенный: она даже не поняла, что я пошутил. – И это раздражает. Могли бы хоть что-нибудь ответить.

В последнее время ее вдруг стали волновать мои планы на будущее. Ее саму ждало место в какой-то бухгалтерской конторе в Сити, а у меня никакой ясности не было, поэтому она начала задавать вопросы: что ты собираешься делать дальше? может, поедешь со мной в Лондон и там поищешь работу?

Честно говоря, поиск работы заботил меня в последнюю очередь: все мои мысли занимали карты – живые карты с исчерпывающими данными о местности; карты, создать которые было бы под силу любому подростку с ноутбуком и профилем на «Майспэйс».

– Если уж на то пошло, я по-прежнему надеюсь, что моя идея с картами выстрелит, – признался я, наливая себе еще вина и вытягивая ноги на траве.

Лицо Анны окаменело.

– Можно поподробнее? – Она сняла очки. – Ты так толком ничего мне и не объяснил.

– А мне казалось, что объяснил.

– Даже если и так. Я все равно не понимаю, чего ты хочешь добиться. – В ее голосе ни с того ни с сего послышались гневные нотки.

– Ну хорошо. – Я сел прямо и развернулся к ней. – Программное обеспечение, над которым я работаю, позволяет пользователям изменять карты в соответствии с их личными интересами. Ну например, ты можешь нанести на карту маршрут, по которому ты ездила на велике или бегала. Или загрузить свои фото в карту места, где ты отдыхала, а все остальные их увидят.

– Фотографии – на карту?

– Точно.

Анна нахмурилась:

– Но ведь это дикость какая-то, тебе не кажется? С чего людям вообще это делать?

– Ну, мало ли. – Я уже начинал психовать. – Потому что у них будет такая возможность.

Некоторое время царило молчание. Анна принялась убирать в рюкзак все, что мы с собой принесли.

– Ты ведь совершенно ничего не смыслишь в картах, да? – сказала она. – Люди, вообще-то, годами на картографов учатся. Мой двоюродный дядя – картограф. Это невероятно сложная профессия.

– Да что на тебя нашло?

– Я просто спрашиваю, Роб.

– Анна, все остается по-прежнему.

– Что ты имеешь в виду?

– Если ты боишься, что я передумаю насчет Лондона, то зря – я не передумаю.

Она тихонько фыркнула:

– Вот еще. Дело вовсе не в этом.

– А в чем тогда?

Ничего не ответив, она продолжила убирать вещи в рюкзак. Я и сам знал, в чем тут дело: я собирался действовать в одиночку, и ей это не нравилось. Для нее это был неоправданный риск, отклонение от нормального курса. По ее мнению, мне полагалось найти хорошую работу, которая обеспечила бы мне достойную жизнь и безбедную старость. Разве не для этого мы поступали в Кембридж и учились как сумасшедшие?

– Временами ты ужасно раздражаешь, – сказала она, устремив глаза вдаль. – Ты думаешь, что все обязательно будет по-твоему.

– И что в этом плохого?

– Но это невозможно.

– А по-моему, как раз наоборот.

– Что ты хочешь сказать?

– Пока у меня выходит все, за что я берусь.

В моем голосе прозвучал вызов, но я всего лишь защищался. Анну это разозлило. Она отвернулась,правила юбку и тихо сказала:

– Да, пока ты понимаешь, что делаешь.

– Да почему тебя это так волнует? – спросил я.

– Не волнует.

– Волнует. Тебя аж трясет от злости.

Анна потянулась за бутылкой (при этом ей пришлось перегнуться через меня) и налила себе вина.

– Твой план кажется мне импульсивным и непродуманным, только и всего. Роб, ты только что получил диплом с отличием первой степени. Да многие компании будут умолять тебя на них работать, а ты носишься с этими картами.

– Да, потому что карты – это реальный шанс. К тому же я не хочу работать на компанию.

Анна шумно вздохнула.

– Это я уже поняла, – сказала она.

Мы зашли в тупик. Некоторое время мы сидели молча, глядя на плывущие по Кэму лодки-плоскодонки. Это была наша первая крупная ссора – до этого мы лишь спорили по пустякам, да и то редко.

– Ты был прав, – сказала она так тихо, что я едва расслышал.

– В чем?

– Я сказала – дело не в том, едешь ты в Лондон или нет, – но это неправда. Мне действительно нужно знать наверняка, что ты едешь.

Анна сидела, обхватив руками колени, а в ее волосах белели пушистые зонтики одуванчиков. Она была прекрасна.

– Ну конечно же, я еду. – Я придвинулся ближе. – Но у меня есть одно пожелание.

– Какое?

– Чтобы мы жили вместе. Может, я слишком тороплюсь, но я правда хочу с тобой жить.

2

Анна, тебе удобно говорить? У меня охренительные новости!

Я стоял в коридоре одной конторы на Олд-стрит.

– Что случилось?

Я снизил голос почти до шепота, чтобы меня не услышали сквозь тонкие стены.

– Они покупают. Покупают мой чертов софт!

Повисло молчание, прерываемое лишь тихим потрескиванием в трубке.

– Ты опять шутишь, да, Роб? – спросила она наконец.

– На этот раз никаких шуток. Если коротко, то эти ребята сейчас в переговорной, рассматривают бумаги. Они сразу вцепились в мой софт, мне даже расхваливать его не пришлось. Они покупают.

Этот «Симтек», в который мне посоветовал обратиться один друг-программист, был стартапом некоего Скотта, окончившего Кембридж за несколько лет до меня.

– Это потрясающе, Роб. Замечательная новость, – сказала она, но голос был странный, как будто ей хотелось услышать что-то другое.

– А знаешь, сколько они собираются заплатить?

– Понятия не имею...

– Полтора миллиона.

Тут проняло даже вечно сдержанную Анну.

– Неужели в фунтах? – охнула она.

– В них самых. До сих пор поверить не могу.

Анна глубоко вздохнула. Судя по хлюпающему звуку, она высморкалась.

– Что с тобой?

– Ничего, – ответила она, тихонько шмыгнув носом. – Просто я... я не знаю, что сказать.

– Еще бы, я и сам растерялся. Сегодня обязательно отпразднуем.

– Конечно. – Я уловил в ее голосе настороженные нотки. – И все же – что именно произошло? Что конкретно они тебе...

В переговорной послышался скрип отодвигаемых стульев – обсуждение было закончено.

– Анна, мне пора. Я позже позвоню, хорошо?

– Хорошо, – ответила она, – но обдумай все как следует, Роб. И ничего пока не подписывай, понял? Скажи им, что тебе нужно показать договор своим юристам.

– Понял, понял... Мне пора...

– Роб, я серьезно.

– Да не волнуйся ты так. Все, убегаю, потом позвоню...

Я вышел на раскаленную от зноя, загазованную улицу. В глаза ударил солнечный свет, и несколько секунд я просто стоял на месте, рассеянно моргая и наблюдая за плотными рядами машин на круговом перекрестке. Грязный Лондон жил своей счастливой суматошной жизнью.

Последние девять месяцев были не сахар. Мы обретались в Клэпхэме, в квартирке на первом этаже, которую снимали на деньги Анны. Мы почти не виделись: по ночам я писал код, подбадривая себя тоннами кофеина, и спать отправлялся только на рассвете – как раз когда просыпалась Анна. Мы условились, что все это ненадолго. Вот закончится ее испытательный срок, а я допишу софт, и тогда...

Анна работала в компании, которая занималась банковским аудитом. Свою работу она обожала. Она знала как свои пять пальцев не только законы, но и всевозможные исключения – те лазейки и обходные пути, которые прописаны в документах мелким шрифтом и которые

мало кто читает. Начальство быстро разглядело в ней талант и за какие-то полгода повысило ее до менеджера.

Все еще пьяный от радости, не зная, куда себя деть, я пошел по Ливерпуль-стрит, прячась от палящих лучей в тени зданий. До Анны я так и не смог дозвониться – ее телефон был выключен – и поэтому нырнул в первый попавшийся паб, чтобы выпить пива.

А ведь я знал, что иду верным путем. Не напрасно по двадцать-тридцать часов писал код, засыпая на полу под старым одеялом. Я говорил людям, что смартфоны полностью изменят жизнь, а они в ответ лишь закатывали глаза. И кто в итоге оказался прав? Еще недавно карты были лишь куском бумаги, который мы носили в рюкзаке или хранили в бардачке машины, но совсем скоро они станут живыми и будут всегда под рукой, в наших мобильных гаджетах.

Пиво действовало: я начал понемногу успокаиваться, чувствуя, что с души наконец свалился тяжеленный камень. Мы ведь не о том мечтали, что Анна будет платить за квартиру и на свои деньги покупать мне новый костюм. Она никогда меня не упрекала, но я знал, о чем она думает: что мне следует пойти на предпринимательские курсы, устроиться стажером в компанию по производству компьютерных игр, а свои идеи задвинуть подальше.

И меня это бесило. Ведь сколько я себя помнил, все вокруг считали меня вундеркиндом, к чьим ногам рано или поздно ляжет весь мир. Потому что у меня была репутация. Сказал, что закончу Кембридж с отличием, – пожалуйста. Обещал преподавателям, которые в меня не верили, что выиграю состязание хакеров, – и каждый год сдерживал обещание. Но в Лондоне все было иначе. Анна каждые две недели летала в Женеву по работе, а я в боксерах сидел перед телевизором, смотрел «Кантрифайл» и дожевывал остатки риса из «Чикен Кинг».

Забренчал телефон. Это была Анна.

– Привет.

– Ты в пабе – я угадала?

– Какая проницательность.

– У меня был тренинг, удалось закончить пораньше. Давай встретимся на Ливерпуль-стрит?

Царила суэта, обычная для вечера четверга. Улицы заполнили люди в деловых костюмах, спешащие на пригородные электрички. Рабочая неделя подходила к концу, и в воздухе витало радостное предчувствие выходных. Анны в пабе не было, поэтому я присоединился к толпе у барной стойки, чтобы заказать выпить.

И вот она появилась. За те девять месяцев, что мы жили в Лондоне, мне еще не доводилось видеть ее в образе деловой бухгалтерши. Я наблюдал, как Анна направляется к стойке, осторожно, прикидывая в уме, куда ей лучше встать, поправляет новые очки, купленные ею специально для работы. «Я в них точно секретарша из порно», – сказала она как-то.

– Я здесь.

Анна посмотрела в мою сторону и улыбнулась. На долю секунды мне показалось, что она бросится мне на шею, но она лишь глядела на меня не отрываясь и усиленно моргала, словно свет резал ей глаза.

– Я должна перед тобой извиниться, – сказала она.

– За что это?

– За то, что не всегда поддерживала тебя и эту твою идею с картами. Прости меня.

– Но ведь это не так, Анна! Конечно же, ты меня поддерживала: платила за квартиру...

– Да, но я сейчас о другом. Самое ужасное – наверное, я действительно в тебя не верила. Прости меня. Ты не представляешь, как мне сейчас стыдно.

Она нервно сглотнула, и ее лицо внезапно приобрело совершенно растерянное выражение.

– Ну что ты, Анна, – подбодрил я ее, кладя руку ей на талию. – Я же все понимаю: не так-то просто с первого взгляда распознать гения.

Она ткнула меня в бок и скинула мою руку:

– Вот только не становись тщеславным наглецом! Хотя о чем это я... Ты ведь всю жизнь был тщеславным наглецом – тщеславней и наглее некуда.

– Ты очень суровая. Не пора бы нам выпить?

Анна бросила тоскливый взгляд на бармена.

– Я делаю все возможное, но мой план наступления, кажется, терпит провал.

Внезапно она развернулась и неуклюже клюнула меня в щеку. Невиннейший поцелуй: так чмокают престарелую тетюшку, но для Анны, которая всегда стеснялась проявлять чувства на людях, это было нечто из ряда вон.

– Я пообещала себе не плакать, – призналась она, – а я держу свои обещания. Но я так тобой горжусь. Правда горжусь, Роб. Ты полностью заслужил этот успех.

Не успел я ничего сказать, как она вцепилась в ремень сумки с ноутбуком, висевшей у нее на плече, и кивнула в сторону барной стойки:

– Пойдем-ка, там освободилось местечко.

– Ты отцу уже рассказал? – спросила Анна после того, как мы уселись за столик и я выложил ей все подробности сегодняшней встречи.

– Ну ты даешь, сынок. Это ж не меньше, чем футболисты получают, – ответил я, пародируя интонацию отца. – Нет, правда, он был вне себя от радости. Ты ведь знаешь, как легко его растрогать.

Я мог бы поклясться, что отец едва сдерживался, чтобы не заплакать. Когда я сообщил ему новости, он сидел в своем такси на стоянке в ожидании вызова.

– Ни хрена себе, сынок, – то и дело повторял он, – черт меня подери.

Успокоившись, он признался, что гордится мной.

– Ты подумай, – сказал он, – сначала Кембридж, теперь вон что. Папка – таксист, мамка – уборщица, непонятно даже, в кого ты у нас такой башковитый, сынок.

Анна достала из сумки записную книжку:

– Я, конечно, тоже очень рада, но у меня есть несколько вопросов.

– О, нет, ты что – составила целый список?

– Естественно.

Она открыла книжку, и моему взгляду предстал пронумерованный столбец с вопросами, написанными невероятно аккуратным почерком.

– Бог мой, так это правда.

На щеках Анны выступил легкий румянец.

– Роб, тебе выпала великолепная возможность, и я не позволю тебе пустить все на ветер.

– Не мне, а нам.

Анна повертела в руках солонку, затем пригубила содержимое своего бокала.

– Послушай, я серьезно. Давай пройдемся по моему списку? Я уже начинаю нервничать.

– Прежде всего нам следует заказать шампанского.

Анна демонстративно помотала головой из стороны в сторону.

– Да ладно тебе, давай отпразднуем!

– Я не хочу портить тебе настроение, Роб, но шампанское здесь стоит запредельных денег.

– Проклятье, Анна, да я сегодня заработал полтора миллиона!

– Я знаю, и это очень хорошо. – Она понизила голос до шепота, опасаясь, как бы нас кто-нибудь не услышал. – Именно об этом мой первый вопрос.

– Ты такая сексуальная в этих очках, – произнес я, приподнимая одну бровь.

– Спасибо за комплимент. Очень мило с твоей стороны. Но прошу тебя, Роб, будь серьезен. – Она смахнула со страницы невидимые пылинки. – Итак, будут ли тебе платить зарплату?

– Что?

– Помимо этой суммы, у тебя будет какой-то заработок?

Я попытался восстановить в памяти сегодняшний разговор. Конкретной цифры вроде бы не называлось, но речь о жалованье действительно шла.

– Вообще-то будет. Они хотят, чтобы я взял весь проект на себя.

Анна просияла:

– О, чудесно.

– Погоди-ка. Для тебя это важнее того, что мне заплатят за софт?

– В какой-то степени. Можешь считать, что я с причудами, но мне важнее наличие постоянного дохода.

– Что-что?

Анна внезапно приосанилась, приняв торжественный вид, словно перед нею сидел один из ее клиентов:

– Да, это правда. Сам подумай: огромная сумма денег – это как толстый кошелек, который рано или поздно опустеет, тогда как регулярный доход – это кошелек, который со временем будет становиться все толще.

– Наверное, ты права.

– Видишь, как полезно встречаться с бухгалтером. – Анна улыбнулась и перелистнула страницу. – Переходим ко второму вопросу, ты ведь не против?

В доме родителей Анны стоял затхлый запах: так пахнут леденцы «Пармская фиалка» или носовые платки, надушенные жасмином, которые старики рассовывают по ящикам комода.

Мы ужинали в полном молчании. Тишину нарушали лишь зловещее тиканье часов да скрежет ножей и вилок о тарелки из костяного фарфора. Потчевали нас замороженной индейкой, гарниром из разваренных овощей и шерри, которое, как сообщила Анна, подали к столу в мою честь.

– Как поживает твой отец, Роберт? – спросил папа Анны, отложив вилку в сторону. Он был в сером костюме-тройке, таком поношенном, что кое-где по краям торчали нитки.

– Хорошо, спасибо. Таксует, как и раньше. Правда, со здоровьем у него проблемы – диабет обострился.

Ничего не ответив, отец Анны уставился в свою тарелку.

Последние три года мы отмечали Рождество с моим отцом, объясняя это родителям Анны тем, что Ромфорд намного ближе, а у отца, кроме меня, никого не осталось. Но в этом году, повинувшись прежде всего чувству долга Анны, мы решили отпраздновать с ними в деревушке на побережье Суффолка.

– А с кем он проведет Рождество? В одиночестве?

– Неа, он пойдет на обед к своему другу... своему лучшему другу Стивену.

– К Малышу Стиву? – ухмыльнулась Анна.

По ее собственному признанию, Анну очень забавляли мои попытки следить за речью в присутствии ее родителей.

– Да, к Малышу Стиву. Но я за него не волнуюсь. Он тут порадовал себя – купил огромный телевизор с плоским экраном, а мы подарили ему подписку на новый спортканал, так что он до одури... – Я едва не поперхнулся стручком фасоли, который жевал в этот момент. – То есть он совершенно счастлив.

Анна, сидевшая напротив меня, чуть было не прыснула со смеху, но сдержалась и элегантно пригубила шерри.

– Эти современные телевизоры такие дорогие, – заметила ее мать, вытирая губы салфеткой. В своем неизменном клетчатом костюме она напоминала суровую гувернантку. На стол она невесть почему накрывала в резиновых перчатках, и сейчас я видел ее кисти – невозможно бледные, как будто она скребла их ежиком для мытья посуды.

– Да, но отец платит в рассрочку, – заверил я ее. – Специальное рождественское предложение – никаких процентов.

Снова молчание. Некоторое время мы просто сидим и слушаем, как тикают часы и барабанит в окна дождь.

– Мы никогда не залезали в долги, верно, Джанет? Никогда не брали ипотеку, да и в кредит ничего не покупали. У африканцев в этом плане есть чему поучиться.

Я выдавил из себя вежливую улыбку. Меня так и подмывало сказать: еще бы, ведь жильем вас обеспечила церковь, а за последние тридцать лет самым дорогим вашим приобретением была разве что новая рубашка.

По словам Анны, когда-то ее отец был так хорош, что не знал себе равных. Он был необычайно деятельным человеком. На суахили его называли «дактари» – «доктор». В деревне ему в первую очередь приходилось исполнять обязанности священника, но также и врача, и инженера, и судьи, и советчика в спорах. И во всех кенийских деревнях, в которых им довелось побывать, к нему относились с почетом и уважением.

Правда, не обходилось без «неприятностей». Под ними Анна подразумевала интрижки отца с девушками из его паствы. Церковь долго терпела, но в конце концов деликатно попросила семью вернуться на родину.

– Ну, ему нравится. Теперь он может смотреть свой любимый футбол и кино сколько хочет, – сказал я.

В ответ мать Анны пробормотала «чудесно» и еще что-то, чего мне не удалось разобрать.

Я постоянно думал об отце. Чем он сейчас занят? Скорее всего, усаживается за праздничный стол с Малышом Стивом и его женой. Посмотрят рождественское обращение королевы, поедят, а потом сыграют партию в бинго.

– А как у тебя дела, Роберт? – Голос отца Анны прервал затянувшееся молчание. – Много нынче работы?

Вообще-то я почти ничего не делал, но признаваться ему в этом не собирался. Инвестор «Симтека» Скотт посчитал, что офис нам больше не нужен, и программированием в основном занималась одна бельгийская компания. Пару раз в неделю я созванивался с Марком из Брюсселя, а в остальное время мы общались по почте или в чате «Гугла». По сути, большую часть своего рабочего дня я просиживал на форумах для программистов да играл в фэнтези-футбол.

– Да так, крутимся помаленьку.

Вопреки моим ожиданиям, он ничего не ответил – только кивнул и уставился в стену за моей спиной. Вся эта история с моим софтом была ему не по душе – он полагал, будто мне всего-навсего повезло и деньги попросту свалились на меня с неба.

Меня бесило, что он смотрел на нас как на богатых сумасбродов. Да, мы жили в собственном доме на Парламентском холме – высоком, слегка обветшалом, в георгианском стиле – и вкладывали в него почти весь наш доход. Мы покупали новую одежду, у нас даже появилась машина, но мы не летали на Багамы каждые выходные, что бы ему там ни казалось.

– Хорошую работу нынче днем с огнем не сыщешь, что верно, то верно, – произнес он таким голосом, словно разговаривал с безработным, чья семья умирает от голода.

– Ну а ты, Анна? У тебя что на работе? – сухо спросил он, будто обращался к постороннему человеку.

– Все хорошо, – ответила она.

Я ждал подробностей, но их не последовало: Анна принялась молча изучать африканскую деревянную скульптуру, стоявшую на буфете.

Перед тем как представить меня отцу с матерью, Анна предупредила, что оба они черствые и странные, а к ней всегда относились весьма прохладно. «Проблема в том, – объясняла она, – что Африку и свою миссионерскую деятельность они любили больше, чем родную дочь». В хорошие времена они вели себя как влюбленные молодожены, и Анна чувствовала себя пятым колесом. Когда же отец пускался во все тяжкие и не бывал дома, мать срывала гнев на дочери, будто непреодолимое влечение мужа к сельским девушкам было ее виной.

Анна рассказала мне одну историю, которая, как бы она сама ее ни объясняла, до сих пор не укладывается у меня в голове. Когда они жили в Найроби, в их доме иногда гостили девочки из самых обездоленных семей прихода. А обслуживала их Анна. Причем в ее обязанности входило не просто с улыбкой встречать их на пороге и проводить с ними время (это ей было только в радость), но и подавать им чай, расстилать постель, а после того как они приняли ванну – приносить полотенце. Она понимала, что так нужно: это ведь благое дело – помогать тем, к кому судьба оказалась менее благосклонна. Эту истину ей внушали с пеленок. «Но иногда, – признавалась Анна, – мне казалось, будто эти девочки настоящие дочери, а не я...»

Вечером я лежал, свернувшись калачиком под одеялом, в выделенной мне комнате и читал один из ранних романов Джеймса Хэрриота. Несмотря на то что мы уже были женаты (сумбурная свадьба на Бали, неожиданная для нас самих), нас поселили отдельно. Обстановка была более чем скудной: кровать, тумба и Библия. Ни вай-фая, ни даже сигнала сотовой сети, зато имелась полка, заставленная древними книгами в одинаковых бледных обложках. Названий на корешках было не разобрать. Анна сказала, что разные комнаты – это наказание за нашу выходку: за то, что поженились тайно и без благословения церкви. В этом и была разница между моим стариком и родителями Анны. Услышав о нашей внезапной свадьбе, отец чуть с ума не сошел от счастья. Сказал, что это наше личное дело и мы можем творить все, что нашей душе угодно. Что касается родителей Анны, то для них эта весть стала личным оскорблением, за которое они теперь мстили.

Послышался тихий стук в дверь, и в комнату вошла Анна. На ней было пальто.

– Я так больше не могу, – выпалила она. – Нам нужно срочно найти паб.

Я и Анна договорились, что просто немного пройдемся, на деле же протопали целых две мили до ближайшего городка. Мы быстро шагали по неосвещенной дороге, радостно подставляя лица свежему ветру. За все время нам едва пришлось перекинуться парой слов: оба были заняты тем, что пытались разглядеть в сгустившихся сумерках хоть какие-то признаки человеческой жизни.

Крошечный Саутволд словно вымер. Живым казался лишь зажженный маяк, который неуместной громадиной возвышался над городом, бросая вызов бледной луне. В могильной тишине мы слышали лишь отзвук собственных шагов и тихий шелест волн.

– Наверное, все уже закрыто, – предположил я.

– Нужно еще поискать, давай пройдем вглубь, – сказала Анна, и мы свернули в сумрак очередной мощеной улочки.

После долгих бесплодных поисков, уже готовые сдаться и вызвать такси, чтобы попытаться счастья в другом городке, мы зашли за угол и увидели льющийся из окон свет: это была гостиница с пабом на первом этаже.

Мы открыли дверь и застыли на пороге, не веря собственному счастью: приглушенный свет, оживленные голоса, успокаивающее позвякивание игровых автоматов – наконец-то мы нашли островок жизни. В углу паба расположилась шумная компания местных в свитерах с оленями и красных колпаках.

– Что ты будешь?

Мне пришлось почти кричать, чтобы перекрыть громогласных завсегдатаев у барной стойки.

– Бокал светлого и, наверное, двойную порцию чего-нибудь еще.

– Что-что?

– Двойную порцию чего-нибудь крепкого.

Я засмеялся. Анна никогда и не пила толком, я даже не видел ее по-настоящему навеселе.

– Ладно. А я буду пиво.

– Хорошо, – ответила она и почему-то напомнила мне своего отца.

Некоторое время она разглядывала бутылки и затем сказала:

– Джин. Думаю, я буду джин.

– Понял. – Я махнул рукой, стараясь привлечь внимание бармена. – Значит, пиво и джин.

Анна ткнула меня локтем в бок:

– Двойной джин, Роб. Это должно быть две порции джина в одном стакане.

– Солнышко, я помню, – улыбнулся я.

Мы уселись за стойкой лицом друг к другу. Анна залпом опустошила стакан с джином, слегка поморщившись, и на ее щеках тут же вспыхнул румянец. Она глубоко вздохнула от облегчения.

– Прости, – извинилась она и отхлебнула из бокала с пивом. – За родителей. Представляю, как тебе нелегко.

– Да все нормально, – заверил я ее.

Анна потрянула головой:

– Нет, не нормально. С возрастом они становятся все чуднее. Сегодня все могло быть и хуже, просто они изо всех сил старались произвести хорошее впечатление.

– Серьезно? – Я чуть не подавился пивом.

– Да. Им не нравится в Англии, они здесь несчастны и не могут этого скрыть. – Анна сделала большой глоток. – С твоим отцом намного лучше. Я, наверно, скажу сейчас ужасную вещь, но я хотела бы, чтобы мы каждое Рождество справляли у него.

Я знал, за что Анна так полюбила наш домишко, у дверей которого отец к празднику ставил светящихся оленей из проволоки и ужасающих размеров надувного Санту.

Я очень нервничал, когда впервые вез Анну в Ромфорд. С тех пор как умерла мама, отец не хотел отмечать Рождество. Помню, однажды мы просто заказали китайской еды на дом; в другой раз пообедали в пабе.

Но, узнав о приезде Анны, отец пообещал подготовиться как следует и сделать все то, что когда-то делала мама. Он попросил жену Малыша Стива научить его запекать индейку с картошкой, притащил с чердака искусственную елку, купил крекеров «Теско» и, впервые в жизни, ржаной хлеб вместо своего любимого белого.

Едва они познакомились, как отец сказал, что Анна – член семьи. Я сначала подумал, что он шутит («отхватил себе аристократку, да, сынок?»), но ошибался. Почти все Рождество они проболтали, сидя в гостиной. Он с удовольствием слушал ее рассказы об Африке и учебе в школе, а она – его таксистские байки и новости «Вест-Хэма».

После обеда, когда все изрядно выпили, отец достал альбом, и мы, втроем угнездившись на нашем стареньком продавленном диване, принялись рассматривать фотографии.

– Это твоя мама, Роб? – спросила Анна, показывая на снимок, запечатлевший мать на Брайтон-Бич в широкополой шляпе от солнца.

– Точно. Это какой год, пап?

– Даже не знаю, сынок. Сдается мне, тебе тогда лет семь-восемь было, – ответил отец слегка дрогнувшим голосом.

– Какая красивая, – сказала вдруг Анна, и мы снова уставились на фото.

– Красивая, да... – согласился отец. Он никогда не говорил о матери в прошедшем времени – не желал признавать, что она умерла. – Глядите-ка, – сказал он, перевернув страницу, –

вот хорошая фотография. Сделали в Рождество. Это мама только что вернулась из парикмахерской.

– Она восхитительна, – произнесла Анна. – Боже, а это ты? – Она ткнула пальцем в неуклюжую подростковую фигурку. – Какой тощий!

– А он всегда был тощим. И в кого только пошел? Уж точно не в меня, – хохотнул отец.

До этого я никогда не видел Анну такой: она сидела на диване с банкой «Карлсберга» в руках, положив ноги на кофейный столик, умиротворенная и безмятежная, словно наконец оказалась дома. Отныне каждое Рождество мы проводили в Ромфорде в полном соответствии со старыми семейными традициями, которые благодаря Анне снова соблюдались: шампанское на завтрак; торжественное открытие громадной жестяной коробки с шоколадными конфетами; пинта пива в местном пабе, пока индейка сидит в духовке; партия в бинго; невообразимые шляпы, которые отец заставлял нас носить с утра до ночи не снимая. Анна все это обожала, ведь в ее семье такого никогда не было.

После обеда и игристого вина отец говорил, как он нас любит и как Анна стала ему родной дочерью. Потом мы пели караоке «Хей, Джуд», и он тут же засыпал на диване, причем из года в год это случалось практически в одно и то же время.

– Мы могли бы праздновать Рождество и с моим отцом, и с твоими родителями. – Я прикоснулся к ее руке. – Правда, я с трудом представляю твою мать, поющую караоке.

– Ха.

Внезапно она наклонилась и поцеловала меня прямо в губы. Желание, которое все это время мне приходилось сдерживать, тут же захлестнуло меня волной.

– Вот это да. Осторожнее с проявлением чувств на публике, Анна.

Она откинулась на спинку стула:

– Это, наверное, джин виноват. Но это правда, Роб: я больше не хочу отмечать с ними Рождество. Да, это мои родители, но не хочу – и все. – Анна опустила голову. Казалось, она стыдится собственных слов. – Мне тебя вчера не хватало, – призналась она.

– Тебя поселили в твою старую комнату?

– Да. И, честно говоря, это очень возбуждает.

– Серьезно? Ну так давай я к тебе приду?

– Не надо, – выпалила Анна и бросила быстрый взгляд в зал – не подслушивает ли нас кто. – Я сама к тебе приду.

Я засмеялся:

– Ты что – уже пьяна?

– Немножко, – хихикнула она. – Это все дух Рождества. Но я не шучу, Роб: я запрещаю тебе выходить из своей комнаты. Лучше я к тебе приду: я знаю, когда они засыпают, знаю все скрипучие половицы и умею закрывать дверь так, чтобы не было слышно, как щелкает замок.

– Ничего себе, я впечатлен.

– Не такая уж я и простушка, как ты думаешь, милый.

– А что, если мы будем шуметь? – с усмешкой предположил я. Пиво уже начало действовать и настраивало на игривый лад.

– Не будем. Я, по крайней мере, – точно не буду.

Ухмылку на моем лице сменил недоуменный взгляд.

– Я ведь училась в закрытой школе для девочек, Роб. Поверь, я умею быть бесшумной. – Она озорно улыбнулась и снова махнула рукой бармену, который на этот раз подошел по первому зову.

– Еще джина, пожалуйста.

Тот кивнул.

– И двойной, будьте добры.

Домой мы возвращались слегка захмелевшие. Анна настояла, чтобы мы шли друг за другом навстречу движению – так безопаснее, – и, когда впереди появлялась машина, тянула меня на обочину.

На последнем участке пути был тротуар, и мы шли, взявшись за руки.

– Ты еще не передумала пробраться сегодня в мою комнату? – спросил я.

– Конечно нет. Мы ведь договорились, – произнесла она почти торжественно.

Вдруг она остановилась, как будто увидела едущую навстречу машину, – но дорога была пуста.

– А что, если нам... – начала она и осеклась.

– Ты о чем?

– Что, если нам завести детей?

– Ты пьяна, да?

– Совсем чуть-чуть.

– Завести детей? – переспросил я.

Об этом мы никогда особо не говорили. Нас вполне устраивал наш бездетный мирок: карьера Анны, марафоны «Звездных войн», фестивали еды по выходным; в хорошую погоду мы катались на лодке, в плохую – ходили по музеям, а неторопливые вечера проводили в пабах – именно так мы и представляли себе жизнь в Лондоне. А перспектива завести детей была такой бесконечно далекой, что казалась не более правдоподобной, чем, скажем, наш переезд в Перу.

Я часто наблюдал за тем, как Анна ведет себя с детьми. Она не приходила в восторг от малышей и не сюсюкалась с ними, как другие женщины. Однажды кто-то из друзей дал ей подержать свое недавно родившееся чадо, и Анна так неуклюже его качала, что нам даже стало страшновато, как бы она его не уронила; а вернув младенца матери, украдкой вытерла руки, испачканные его слюной, о джинсы.

– Да, завести детей, – повторила Анна, нервно покусывая губу. – Сегодня за обедом я думала о том, как чудесно мы проводим Рождество у твоего отца, как хорошо и уютно нам втроем. Вот такой должна быть настоящая семья. И я хочу, чтобы и у меня она была – моя собственная, только моя.

Я притянул ее к себе и поцеловал в макушку. Любить Анну было все равно что владеть одному лишь тебе известной тайной – тайной, которую ты никогда и никому не выдашь. Потому что я был единственным во всем мире, кого она впустила в свое сердце. Некоторое время мы простояли, тихонько покачиваясь, на обочине дороги, залитой лунным светом.

Думаю, этой ночью мы и зачали – а может, на следующее утро, пока ее родители были в церкви. Через пару недель Анна попросила меня зайти к ней. Она сидела на краю ванны и, поднеся к глазам тест на беременность и поворачивая его под разным углом на свету, изучала проступившую на нем ярко-голубую полоску. Я прочел инструкцию: эта толстая голубая полоска могла означать лишь одно.

– Поверить не могу.

– Да, я тоже, – сказала Анна. – Только давай пока не слишком радоваться. Мы ведь еще не знаем наверняка.

Увидев, как расстроили меня ее слова, она коснулась моей руки и сказала:

– Но у этой фирмы самый высокий процент по достоверности результатов, я проверяла.

Я ничего не ответил. Анна обвила меня руками и уткнулась носом мне в шею:

– Я просто не хочу праздновать раньше времени, понимаешь?

– Понимаю, – ответил я.

Мы стояли и смотрели на эту голубую полоску, которая на наших глазах становилась все ярче и ярче, не оставляя никаких сомнений.

Дердл-Дор

и вовсе это не вода сделала, сказал ты. это бэтмен пробил гору своими бэтарангами и бластером. мы смотрели на скалу, выступающую в море, и на резиновую лодку с ребятишками, плывущую через арку. и ты вдруг сорвался с места и начал бегать и скакать по траве, петляя между кроличьими норами и вопя во весь голос. я бросился тебя ловить, и мы хохотали до слез, и все бежали и бежали, а за нами мчался вихрь из разноцветных листьев.

3

Голубая полоска. И больше ничего. Помню, как внезапно замолчал врач. Я еще подумал, что, наверное, аппарат завис, вот этот серо-белый шарик на мониторе и не движется. Анна затаила дыхание, вглядываясь в затемнения на экране, висевшем над ней, пытаясь вникнуть в их смысл.

– Хм, боюсь, на данный момент я не улавливаю сердцебиения, – сказал врач, водя датчиком УЗИ по животу Анны. В прошлый раз мы наблюдали электронную пульсацию, дрожание на фоне чего-то белого, а сейчас не было ничего.

Анна пыталась вычислить размеры плода. «Он подрос? – спросил я. „Это восьминедельный эмбрион“, – ответил врач, хотя Анна была уже на одиннадцатой неделе. «Значит, он слишком маленький», – решил я. Может, он плохо набирает вес? Тогда для меня все это было загадкой.

Но не для Анны. Не сказав ни слова, она вытерла живот бумажным полотенцем и села на край кровати, вцепившись взглядом в монитор на стене.

Второй выкидыш случился на тринадцатой неделе.

– Мне очень жаль, – сказал врач, – но мы не видим роста, характерного для данного срока.

Это было уже не просто скопление клеток в виде яйца, а крошечное, почти человеческое тельце с намеком на ручки и ножки. У него было сердце, был рот. Даже веки. Ребенок, которого предстояло извлечь из Анны, поместился бы на взрослой ладони. Хотя мы так и не узнали пол, позже Анна призналась мне, что дала ему имя Люси.

Свое горе она носила в себе, не поделившись им ни с матерью, ни с Лолой, которая о своем выкидыше, напротив, кричала на каждом углу. Потому что Анну приучили страдать молча. Потому что мужество и стойкость – главные добродетели.

Она была единственным белокожим ребенком в нищей, грязной кенийской деревушке, и каждое утро на пути в школу в нее летели камни и оскорбления: белый дьявол, вонючая буйволиная задница. Когда Анна рассказала об этом родителям, те назвали ее чересчур изнеженной, заявили, что это все суть пустые жалобы, доказывающие лишь ее неготовность претерпеть лишения во славу Господа нашего.

Мы никому ничего не сказали. Наши потерянные дети были тайной, которая лишь крепче привязала нас друг к другу. Да, она опустошала наши души, выжигала их дотла, но это была наша тайна – наша, и ничья больше.

Со мной Анна была полностью откровенна, рассказывая даже о тех своих чувствах, которые считала постыдными. «Мне кажется, – говорила она, – будто меня наказывают, но я не понимаю за что. Я не могу больше ходить по магазинам, потому что там полно молодых мам, и я завидую им, думаю, что это они забрали моих детей». Она не верила, что проблема в ее яйцеклетках, что плод, сотворенный нами, был нежизнеспособен. «У меня в теле какой-то дефект, физическое нарушение, которое не дает мне выносить ребенка, удержать его», – утверждала она. «Выкидыш» – то есть тот, кого пришлось «скинуть», потому что не получилось удержать. Раньше мне не приходило это в голову.

Однако Анна не пала духом. Она поставила цель родить ребенка и бросила на ее достижение все силы, точно так же, как когда-то твердо вознамерилась получить диплом с отличием и добилась своего. Мы отправились на Харли-стрит, где у нее взяли все возможные анализы, но – ничего не нашли. «Повезет в следующий раз» – вот и все, что нам сказали врачи.

Мы не оставляли попыток зачать, не допуская даже мысли о том, что, возможно, стоит смириться. Иначе нам было нельзя. Для Анны суть самой жизни заключалась в борьбе: с оружием в руках ты должен пробивать себе путь вперед, а если прижали к стене – защищаться до

последнего вздоха. В этом мы с ней были одинаковы. Мы оба пытались что-то доказать этому миру – парень и девчонка, которые сделали себя сами, ни от кого не ожидая помощи.

По просьбе Анны я сходил в клинику. В туалете для инвалидов с помощью замызганного порножурнала вековой давности я без особого энтузиазма наполнил выданную мне баночку. Однако со спермой был полный порядок. Все отлично, сказал доктор. Лучше некуда.

Когда Анна забеременела в третий раз, мы не слишком удивились (зачатие никогда не представляло особой проблемы) и решили: будь что будет. Вот срок подошел к роковой отметке в восемь недель, и мы приготовились к уже знакомым симптомам: странным спазмам, чувству пустоты в животе, которое Анна испытывала оба предыдущих раза, хотя ребенок еще жил внутри нее. Но – нет. Крошечное сердце по-прежнему билось, причем уверенно и ровно. На мониторе отчетливо просматривались руки и ноги, угадывались очертания ребер; у плода были глаза, наполовину сформированная поджелудочная. Были видны веки.

«Во втором триместре, – заверили нас врачи, – риск выкидыша практически равен нулю, даже если беременность протекает с осложнениями». Но мы им не верили.

– Знаю, что дико звучит, – сказал я Анне, – но ощущение такое, будто мы с тобой играем в «Кто хочет стать миллионером?»: вопросы становятся все сложнее, но мы все равно продолжаем играть, испытывая на прочность нашу удачу.

– Твое сравнение неверно, – ответила мне на это Анна. – Потому что в «Миллионере» можно отказаться от дальнейшей игры и забрать деньги. А в случае с ребенком так не получится.

Впервые я заметил их в начале третьего триместра. Как-то копался в саду на заднем дворе и вдруг увидел два подсолнуха. Нужно сказать, что садоводство Анна не принимала ни в каком виде, называя его не чем иным, как трудовой повинностью, и не вырастила за свою жизнь ни кустика.

Я вернулся в дом и вошел в кухню. Анна, повязав фартук, стояла у раковины и мыла кружки из-под кофе.

– Мне так понравились подсолнухи, – сказал я ей. – Ты сама их посадила?

– Да, – ответила она с довольным видом. – Правда, красивые?

– Правда. Ты меня удивляешь: я-то думал, ты ненавидишь возиться в земле.

– Не волнуйся, ты правильно думал. Просто... – Она сглотнула и поставила кружку на раковину. – Ты сочтешь это глупостью, но мне очень хотелось сделать для них что-нибудь... Для деток, понимаешь? Да, сажать цветы – это не мое, но я решила, что получится красиво.

Анна отвернулась, чтобы я не видел ее слез. Я обнял ее, и она уткнулась макушкой мне в шею.

– Продавец сказала, что они выносливые и цветут при любой погоде.

Она принимала ванну, а я сидел рядом на полу. Анна читала книгу, опершись спиной о полку из железной проволоки – еще у моей бабушки была такая. Анна рассеянно наматывала на палец прядь волос, а я наблюдал за тем, как армия мелких мыльных пузырьков атакует ее большой живот.

Я и не думал раньше, что человеческая кожа такая эластичная. Мне казалось, что это надутый до упора воздушный шар, а верхние слои кожи растянулись настолько, что казались почти прозрачными. Я боялся к нему прикасаться. Хотел, но боялся: а вдруг мои неловкие руки причинят вред тому, кто внутри?

Я смотрел, как она читает. На краю ванны лежал ее розовый бритвенный станок, и от этого на душе было спокойно и радостно. Столько лет прошло, а это чувство осталось неизменным: помню, когда, еще во время учебы в Кембридже, Анна переехала ко мне, я любил повсюду замечать ее вещи: разноцветные бутылки в душе, книгу на прикроватной тумбочке,

сережки, которые она всегда клала в блюдце, стоявшее на комод. Да, это, несомненно, было посягательством на мою территорию, но я не возражал.

– Ах да, забыла тебе рассказать. – Анна положила книгу на пол и принялась прополаскивать волосы. – Я вступила в группу на «Фейсбуке», она называется «Крохи и карапузы».

– И о чем она?

– Суть кроется в самом названии, Роб. Она посвящена маленьким детям. Это группа для мамочек.

– Ну и как?

– Вообще-то я в ней совсем недавно, но, если коротко, это просто ужасно. Мне ее Лола посоветовала.

– Она еще не бросила это свое сыроедение?

– Да ты что, сыроедение и Лола – уже давно единое целое. Она ведет блог «Мамочка-сыроед» и работает над своей первой кулинарной книгой.

– Боже. Бедная Индия.

– Точно. Но Лола клянется, что Индии такая еда по вкусу. Говорит, благодаря сыроедению у нее прошел круп.

– Лола, кстати, и в «Твиттере» есть, – сказал я. – Знаешь, что у нее в профиле написано?

– Дай-ка угадаю...

– Погоди. – Я достал телефон. – Вот, слушай: «Лола Бри-Гастингс. Мать, дочь, сестра, подруга, йогиня, танцую с огнем, проповедую сыроедение».

– С ума сойти. Вполне в духе Лолы. – Анна отжала прядь волос. – Для нее сыроедение – это профессия. Кстати, о профессиях. Знаешь, что у нее написано в разделе «Работа» на «Фейсбуке»?

– И что же?

– «Главный специалист по обнимашкам и вкусняшкам».

– Да не может быть, – рассмеялся я. – Ну так что ужасного в этих «Крохах и карапузах»?

Я подлил себе еще детского шампанского и предложил Анне осушить ее бокал, но она отрицательно покачала головой:

– Я уже им обпилась, хватит с меня... в общем, я думала, что в этой группе отвечают на вопросы неопытных мамаш: как правильно кормить грудью, какой у младенца режим сна, – но на самом деле там творится что-то странное.

– В смысле?

– Одна из администраторов группы, Миранда, выслала мне список акронимов, которые используют участники группы, и, откровенно говоря, я не увидела среди них ни одного знакомого.

– Типа ЖОР?

– Что это значит?

– Живем один раз.

– И кому придет в голову так говорить?

– Ну, не знаю, например, тому, кто прыгает с тарзанки: шагает он с моста вниз и вопит «Жо-о-ор!».

Анна покачала головой и прищурилась:

– Так вот, я пришла к выводу, что некоторые из этих акронимов совершенно дикие.

– Ты про ДС, ДД и ДМ?

– Что? – Анна развернулась ко мне с выражением притворного негодования на лице. – Ты-то откуда знаешь?

– Да это все знают: «дорогой сын, дорогая дочь, дорогой муж».

– Не все, а только умники типа тебя, – фыркнула Анна. – Ну хорошо. СГМ – что такое СГМ?

На секунду я задумался.

– «Сокращение грудных мышц»?

– Вообще-то неплохо: с грудью ты угадал.

– Я знаю.

Анна вскинула брови:

– Не смешно.

– Ни капли, ты права, – покорно согласился я и, проведя рукой по ее спине, принялся легонько щекотать ей руку.

– Перестань, прошу, – захихикала она, – с таким огромным животом мне больно смеяться.

– Так что же такое СГМ, просвети?

– «Сцеженное грудное молоко».

– А-а-а, – протянул я, отворачиваясь от нее, чтобы тайком проверить, как дела у «Вест-Хэма».

– А еще, – продолжила Анна, – там есть одна женщина, наверное тоже администратор группы, которая вечно что-то мастерит со своими детьми и восторженно делится результатами их совместного творчества. Сегодня она обратилась за советом: она шьет подушку для кормления, и ей хочется знать, можно ли набить ее полистирольными шариками. Тут же все бросились рассуждать, попадут химические вещества из шариков в молоко или нет.

– И каков вердикт?

– Никакого полистирола – только чечевица и сушеный горох.

– Ну само собой.

Со скорбным лицом Анна провела кончиками пальцев по выступающему из воды животу. На ее лбу и над верхней губой поблескивали бисеринки пота.

Я поставил бокал на пол и подполз к ванной:

– Потереть тебе спину?

– Придется. – Она нагнулась вперед, и я увидел, как крошечные капельки воды, усеявшие ее спину, стекают тонкими струйками вниз к пояснице. Кожа была горячей и гладкой – как нагретая на солнце водяная горка.

Выбравшись из ванны, Анна пошлепала в спальню. Шла она слегка вперевалку, осторожными шажками, словно ступала по гальке. У нее не было той уверенности, что присуща беременным женщинам: спала она только на боку, а если нечаянно натыкалась на что-то животом, то потом несколько дней подряд сходила с ума от страха, браня себя за неосторожность.

И я понимал почему. Даже сейчас, когда оставалось всего несколько недель до его появления на свет, не было никакой уверенности в том, что все закончится хорошо. В душе мы смирились с тем, что все может повториться: остановка сердца, замершая картинка на мониторе. И пустота. Снова. Об именах для него мы почти не говорили.

Я присел на край кровати рядом с Анной, и вдруг, ни с того ни с сего, она расплакалась, зарывшись лицом мне в грудь.

– Что с тобой, милая? – спросил я, нежно поглаживая ее по голове.

– Все нормально, – ответила она, вытирая глаза и шмыгая носом. – Думаю, это гормоны. Эта идиотская группа меня окончательно вымотала.

– Ты о чем?

– Я боюсь, что буду не очень хорошей матерью. Ведь у меня ничего общего с теми женщинами, да я и не хочу быть похожей на них.

Я положил ладонь ей на руку, и она чуть наклонилась ко мне.

– И все же, – произнесла она, – лучше, наверное, бояться этого, чем того, чего боимся мы с тобой.

Мы лежали на кровати, придвинувшись так близко, что наши губы почти соприкасались, и смотрели друг на друга. Меня всегда притягивали глаза Анны. Было что-то завораживающее в едва заметном движении зрачков, в веках, тончайших, словно из папиросной бумаги, в том, как они подрагивали при каждом ударе ее сердца.

– Скорей бы уже, – хрипло произнес я. – Жаль, отца нет рядом.

Анна притянула меня к себе и погладила по затылку:

– Да. Это так несправедливо. Он был бы так горд.

Отец умер через два дня после того, как мы сообщили ему о ребенке. Малыш Стив, у которого был свой ключ от нашего дома, нашел его в спальне: он заснул на маминой стороне кровати, как и всегда, а на прикроватной тумбе лежал снимок УЗИ, который мы ему подарили.

Глядя на меня влажными от слез глазами, Анна прошептала:

– Так хочется поскорее увидеть его личико.

– И мне.

– Даже не верится, что все это правда. Когда хочешь чего-то больше всего на свете, бесконечно долго этого ждешь, надеешься – и вдруг оно случается, то ты просто...

Тут ее голос дрогнул, и слезы градом покатались по щекам, объясняя все лучше любых слов.

В тот день я пропадал в саду, экспериментируя с радиоуправляемыми вертолетами. Анна снисходительно называла их моими игрушками, но она была не права: использовал я их далеко не забавы ради. Недавно у меня появилась новая модель с соосными винтами, к которой я прикрепил маленькую цифровую камеру. Мне удалось поднять вертолет в воздух, но из-за камеры он стал слишком тяжелым и рухнул на землю, врезавшись в увитую розами решетку.

Я прислушался – не доносится ли из дома, где отдыхала Анна, ее криков. Это могло случиться со дня на день, в любой момент. Срок подошел еще неделю назад, и наши нервы были на пределе. Порой ожидание и вправду хуже смерти.

Когда ветер утих, я снова запустил вертолет. Добившись того, чтобы он устойчиво держался в воздухе, я направил его вдоль дома, но внезапным порывом ветра его швырнуло в застекленную дверь с такой силой, что сорвало один из винтов.

Не успел я войти в гостиную, как услышал вопль Анны:

– Роб!

В два прыжка преодолев лестницу, я влетел в спальню: Анна, расставив ноги, сидела на краю кровати.

– Вот черт, ты как?

– По-моему, у меня начались схватки.

– Схватки? Ты уверена?

– Да. – Руками она упиралась в колени, чтобы сохранять равновесие. – Я засекала время. К тому же вряд ли это может быть что-то другое – я никогда не испытывала ничего подобного.

Анна взглянула на свои наручные часы – массивный аппарат от «Касио», который она ценила за наличие подсветки и точность.

– И давно они начались? – оторопело спросил я.

– Не знаю. Минут сорок пять назад.

– Господи, Анна, ну почему ты сразу меня не позвала?

– Тогда я еще не знала наверняка. – Ее лицо было пепельно-серым от ужаса. – Думаю, нам нужно в больницу.

– Я за сумкой.

– Бери дневную.

Анна заранее упаковала две сумки. Обе ждали своего часа в прихожей, и к ручке каждой была привязана бирка для багажа: на одной было написано «День», на второй – «Ночь».

Через несколько минут мы уже стояли у двери: я держал сумки, Анна прокручивала в голове список вещей, проверяя, все ли мы взяли. Я потянулся было к камере, лежавшей на столике у входа, но тут же услышал:

– Даже не думай брать ее с собой, Роб.

Я взглянул на Анну: спорить с ней сейчас точно не стоило.

Как только врач ушла, Анна закричала, и я испугался, что ребенок в ней умер. Едва я нажал на кнопку экстренного вызова, как показался пучок волос – это была головка Джека. В палату вбежала врач и крикнула медсестру, которая так и не появилась, потому что ушла на обед.

Анна по-прежнему надрывалась от крика. Ей задрали ноги на поручни, а мне сунули поднос с инструментами, что-то гаркнув, но я ничего не понял и продолжал стоять столбом в изножье кровати с подносом в руках, пока Анна, извиваясь от боли, выталкивала из себя Джека.

Поначалу мы в шутку называли его «нашим маленьким пришельцем». Потому что, даже увидев черные волосики и крошечное тельце в скользком пузыре и потом услышав плач младенца, лежащего на древних механических весах, я все равно не мог поверить, что он настоящий.

Никогда не забуду, как улыбалась Анна, беря на руки этот хныкающий комочек и поднося его к груди – так уверенно и естественно, словно кто-то ее этому научил. Столь счастливую и открытую улыбку я видел у Анны впервые.

– Хотите поддержать сына, пока я зашиваю мамочку? – спросила врач.

Я осторожно взял его, боясь раздавить. Он был туго запеленат, виднелось лишь личико с двумя вздувшимися шелками вместо глаз. Я радовался, что Джеку наконец более или менее уютно: все лучше, чем на ледяных весах или в грубых руках медиков.

В книжках о младенцах написано, что связь между матерью и ребенком устанавливается мгновенно, тогда как отцу для этого нужно время. Неправда. В ту же секунду, как я взял его на руки, по моему телу пробежал электрический разряд, и я понял, что именно этого момента я и ждал всю свою жизнь.

Я не мог поверить, что это чудо, этот крошечный сверток, который сопит и гулит, произвели на свет мы с Анной; что мы вдвоем умудрились создать нового человека – с пальчиками, руками и ногами, мозгом, душой. Но это была правда. Мы создали новую жизнь. Создали Джека.

4

Стоял необыкновенно жаркий весенний день, и в Хэмпстед-Хит яблоку было негде упасть: дорожки заплотили бегуны, повсюду прохаживались туристы и семьи с колясками. На скамейках сидели старички – завсегдатаи парка, которые приходили сюда каждый день и слушали радио, приставив маленький радиоприемник к самому уху.

Мы недавно подарили Джеку велосипед с нарисованным Человеком-пауком, с ветровым стеклом и пушками, и ему не терпелось на нем прокатиться. Найти ровный и безопасный участок на Парламентском холме было непростой задачей, поэтому мы, как всегда, отправились в парк.

Я смотрел, как Джек толкает в гору байк, который в два раза больше него самого, и думал о том, как же быстро изменился наш мир. Нашему сыну уже исполнилось пять, он был «знатным крепышом», как сказал бы отец. Позади остались и смешная округлость его ног, свойственная карапузам, и младенческое лопотание. Теперь мы ходили в библиотеку за детскими книжками, посещали родительские собрания и изо всех сил пытались внушить Джеку мысль о том, что драматический кружок после школы – это классно.

– Может, здесь? – спросил я, когда поверхность стала более-менее ровной.

– Да, – согласился Джек, закидывая ногу через раму.

– Так, ребята, – вмешалась Анна. – Здесь склон слишком крутой. Я думала, мы ищем плоское место.

– Это и есть плоское место, – возразил я.

– Хорошее место, мам, – подтвердил Джек.

Анна на мгновение задумалась, окидывая взглядом дорожку:

– Нет, я так не думаю. Слишком уж круто.

Джек вздохнул и закатил глаза – привычка, приобретенная в школе.

– Ладно, Джек, – сказал я, – давай еще немного поднимемся.

– Давай, – ответил он послушно и снова принялся толкать своего коня вверх по склону.

На вершине холма была ровная площадка, по которой на трехколесном велосипеде рассекал довольный малыш, а его папаша с встревоженным видом бежал следом.

– Ну, здесь-то точно безопасно, – усмехнулся я.

Анна немного смутилась и даже покраснела.

– Хорошо. – Она осмотрела площадку и повернулась к Джеку. – Только езжай осторожно.

Джек застегнул ремешок шлема с таким серьезным видом, словно садился за штурвал истребителя, а потом оттолкнулся ногой и помчался вперед, ловко объезжая попадавших на пути людей. Я бежал рядом, улыбаясь во весь рот и чуть не лопаюсь от гордости; деревья так и мелькали по сторонам, а фары ослепительно блестели на солнце – ну чем не кадр из фильма?

Я почувствовал прикосновение к руке и внезапно понял, что бок о бок со мной бежит Анна. Сначала я подумал, что ей страшно за Джека и побежала она лишь для того, чтобы в случае опасности кинуться к нему и спасти, но тут до меня вдруг дошло, что она улыбается счастливой улыбкой и вовсе не намерена его останавливать.

Дорожка пошла вверх, и Джеку стало тяжеловато крутить педали. Я подбежал сзади, ухватился обеими руками за сиденье и подтолкнул, точно так же, как подталкивал меня отец. Я до сих пор помню его радостные крики в тот день, когда я впервые самостоятельно прокатился на велосипеде по нашему двору.

– Джек, ты просто молодчина, – похвалил я его, когда он уверенно остановился.

Джек слез с велосипеда и начал деловито проверять пушки.

– У него здорово получилось, – улыбнулся я Анне.

– Это точно.

– А можно мне еще раз? – спросил Джек, затягивая потуже ремешок шлема.

– Конечно можно.

Он снова забрался на велик и начал ездить кругами, лавируя между торчавшими из травы пнями. Мы с Анной болтали, не обращая на него внимания, как вдруг, вместо того чтобы обогнуть стоящее на его пути дерево, Джек в него врезался.

Анна вскрикнула, и мы оба бросились к нему. Джек лежал на земле, изумленно распахнув глаза.

– Ты живой?

Я опустился на колени рядом с ним.

Он неуверенно кивнул, как будто плохо понимая, что происходит.

– Ты не поранился? Сколько пальцев я показываю?

Джек улыбнулся:

– Миллион.

– Как тебя зовут – помнишь?

– Джек.

– А меня?

– Мистер Свинюшкин, – хихикнул он.

– Ясно. Значит, все в порядке.

Я помог ему встать и поднял валявшийся на земле байк.

– Что с тобой произошло, маленький? Как ты себя чувствуешь? – спрашивала Анна, отряхивая пыль с его штанишек и курточки.

– Нормально, – ответил Джек. Было видно, что он все еще немного не в себе.

– Как это вышло, приятель?

– Не знаю. Я ехал на велике, а потом... я не знаю... стало очень странно, и я как врежусь в дерево...

Мы с Джеком сидели в гостинной, пили горячий шоколад и смотрели «Финальный счет». Джек внимательно слушал и шевелил губами, беззвучно повторяя за диктором названия команд. «Аккрингтон», «Честерфилд», «Блэкберн». Более сложные он пытался произнести вслух: «Гиллингем», «Сканторп», «Шрусбери».

В какой-то момент Джек принялся рассматривать фотографии в своей простенькой «мыльнице», которую мы подарили ему на последний день рождения и с которой он никогда не расставался и держал ее всегда крепко, обеими руками, как мы ему показали («Это тебе не игрушка, Джек, а серьезная вещь»). Закончив снимать, он протирал экран обрывком туалетной бумаги и убирал фотоаппарат в футляр.

– Пап, – сказал Джек, аккуратно кладя камеру на кофейный столик. – А можно мне тост с особенным сыром?

Это был хлеб с маслом, пастой мармайт и ломтиками сыра. За несколько секунд в микроволновке сыр плавился, покрывая бутерброд гладкой корочкой.

– Конечно. Думаю, мама как раз его сейчас готовит.

– И тебе тоже?

– А мне не нужно, – ответил я. – Я просто слопаю твой!

– Ну не-е-ет! – Джек поглядел на меня и закатил глаза. – Если ты съешь мой тост, то я сделаю тебе что-то плохое.

– Это что же, интересно?

– Мм... – Джек прижал палец к губам. – Ты тогда пойдешь спать, и... и...

Он изо всех сил старался придумать настоящее наказание. Я вопросительно поднял брови.

– И не будешь смотреть футбол! – выкрикнул Джек с победоносным видом.

– Ну и дела, – протянул я и озадаченно потер подбородок. – Что ж, ты выиграл – сам ешь свой тост.

Его лицо засияло от счастья, и я пошел на кухню – проверить, готово ли его лакомство. Анна резала тост на квадратики.

– Он в порядке?

– В полном.

– Я так и не поняла, что это было.

– Анна, он просто упал с велосипеда. С детьми такое случается.

– Но выглядело это так, словно он отключился. И он сказал, что почувствовал себя странно.

– Внимание ослабил на секунду, вот и все. Он ведь только недавно научился кататься, ему пока сложно.

Было очевидно, что мои слова Анну не убедили. Она дала мне тарелку с квадратами, и я понес ее Джеку.

Этот тост – единственное, что умел готовить отец. Он мог делать все, что угодно, по хозяйству, но повар из него был никудышный. Если мы оставались дома вдвоем – мама убирала офисы в Сити, – то мой обед состоял из тоста с особым сыром. Отец готовил его идеально: слегка поджаренный, еще горячий хлеб он сначала мазал маслом, затем – тонким слоем мармала и, положив сверху несколько почти прозрачных ломтиков сыра, отправлял его в микроволновку на тридцать секунд. Однако сам никуда не уходил, а все эти тридцать секунд, облокотившись о стол, смотрел на тост и ждал ключевого момента, когда сыр полностью расплавлялся, но еще не начинал пузыриться.

Когда мама умерла, пришла моя очередь заботиться о нем. Каждый вечер отец молча садился за стол, где перед ним, на маминой салфетке для столовых приборов, лежали ее нож и вилка, и начинал плакать, и все, что я мог для него сделать, – это приготовить ужин, как раньше мама.

– Спасибо, лапушка, – говорил он, когда я ставил перед ним тарелку с тостом.

«Лапушка» было его излюбленным обращением. Конечно, в присутствии моих друзей или посторонних он называл меня «дорогой» или «сын», но наедине – только «лапушка».

И вот в течение года я готовил ему ужин: размораживал пиццу, разогревал его любимые блинчики и пироги с мясом. А каждую пятницу, когда он возвращался после дневной смены, радовал его двумя тостами с кетчупом на гарнир.

Я смотрел на Джека: он жевал тост, слегка измазавшись томатным соусом, и все так же беззвучно произносил названия команд. Как же он был похож на отца! Он ел так же аккуратно и вдумчиво, а когда прислушивался, то точно так же наклонял голову набок.

Иногда я представлял их вместе. Представлял, как отец сажает Джека верхом себе на живот, как сажал когда-то меня; как мы вдвоем болеем за «Вест-Хэм»; как Джек, устроившись на пассажирском сиденье такси, говорит по рации с диспетчером. Я так и видел, как отец хвастается всему миру: «Это мой внук!»

– Приятель, я не шучу: не вздумай снова заводить песню про эти свои дроны, меня от них уже блевать тянет.

Мы со Скоттом сидели в баре под названием «Корабль». Мы часто встречались здесь, чтобы обсудить рабочие дела. Днем бар был почти пуст, и мы спокойно могли расположиться с ноутбуками за одним из огромных столов, устроив временный штаб. Из-за деревянной обшивки стен казалось, что ты и вправду на корабле, тогда как замызганные оконные стекла наводили на мысль, будто тебя ненароком занесло в церковь.

– Тут вот в чем дело...

– Нет.

– Скотт, я реально продвинулся...

– Роб, умоляю, не начинай...

– Я оплачу твою выпивку, если ты дашь мне пять минут.

Скотт захохотал и хлопнул ладонью по столу:

– Да никакая выпивка в мире не возместит мне пять минут моей драгоценной жизни, потраченные на выслушивание твоей чуши!

– Иди в жопу.

Хоть мы со Скоттом и провели детство в одном районе и оба учились в Кембридже, до того собеседования в «Симтеке» мы ни разу не встречались. Мы еще шутили, что, видимо, просто обитали в параллельных реальностях. Скотт был единственным выпускником Кембриджа на моей памяти, который закупался нижним бельем на Ромфордском рынке и на каждый, вплоть до восемнадцатого, день рождения получал торт в виде футбольного мяча с эмблемой «Вест-Хэма».

– У нас есть дело и поважнее. Мне действительно нужен этот код, – произнес Скотт.

Я тут же полез в телефон, делая вид, что получил важное письмо. Мы договорились, что я напишу кое-какие скрипты для одной китайской компании, которая выпускала онлайн-карты, но работа у меня шла ни шатко ни валко, и Скотт об этом знал.

– Я помню, Скотт, помню. Видишь ли, написать его оказалось сложнее, чем я думал.

– Тогда поручи это Марку.

– Марк застрянет точно так же.

Скотт хотел, чтобы кодом занимались программисты в Бельгии, но я убедил поручить эту задачу мне.

– Да, но он там не один – их шестеро, – возразил Скотт.

– Да, но в программировании принцип «чем больше – тем лучше» работает далеко не всегда.

Я пустил в ход свой козырь: Скотт был гениальным бизнесменом, но в кодировании он не смыслил ровным счетом ничего, и тут-то я и мог поставить его на место. Скотт вздохнул и крутнулся на стуле.

За последнее время на лице Скотта появилось несколько новых морщин. Я знал, что он хочет поскорее избавиться от компании. Он все еще не оправился от кризиса и собирался, по его словам, «кое-что поменять». Потому-то он и торопил меня с кодом – чтобы впечатлить потенциального покупателя.

– Слушай, Роб, ты отличный парень, и мы уже долго работаем вместе. Я никогда не придирался к тебе, предоставляя полную свободу, но сейчас другой случай. До конца недели код должен быть у меня, ты понял?

Он смотрел в окно, нервно барабанил ногой по широкому основанию барного стула. Я не хотел, чтобы он продал «Симтек». Дело было не только в зарплате, над которой так тряслась Анна. Для того чтобы воплотить в жизнь мою идею, нужны были репутация компании и завязки Скотта в деловом мире. В противном случае мне грозило повторение всего пути с самого начала: Анна снова купит мне костюм на свои деньги, и я буду обивать пороги, умоляя взглянуть на мой сомнительный бизнес-план.

– Если до пятницы я закончу код, можно мне сказать пару слов о дронах?

– Да чтоб тебя, Роб!

Скотт рассмеялся. Говорил он с таким сильным акцентом, что можно было подумать, будто он только что вернулся с собачьих бегов в Ромфорде.

– Хуан, – обратился он к бармену. Испанский у него был идеальный. – Как найдется минутка – принеси нам пару пива.

Тот кивнул, послушно наполнил два бокала и поставил их перед нами.

– Ну что ж, излагай. Я весь внимание, – сказал Скотт и сделал большой глоток пива. – Но сначала пообещай, что к пятнице ты напишешь код.

– Обещаю.

Он улыбнулся и потрянул головой:

– Тогда давай про дроны. Моя любимая тема.

– Так вот, – начал я. – Как я уже говорил, за дронами – будущее. Производство дешевое, а использовать их будут повсюду: например, для доставки пиццы и заказов с «Амазона»; на стройплощадке, чтобы напоить рабочих чаем...

– Роб, давай без прелюдии, – перебил меня Скотт. – Я уже миллион раз это слышал. Сейчас ты начнешь говорить о незаменимости дронов в проведении поисково-спасательных операций.

– И это тоже. Но есть еще кое-что, о чем я не упоминал.

– Тогда продолжай.

– Персональные дроны.

– Персональные дроны?

– Да. Супердешевые, ультралегкие и сверхпрочные.

– Допустим, – сказал Скотт. – И что эти персональные дроны будут делать?

– В основном фотографировать.

– Фотографировать?

– Ну да. Ты же видел эти палки для селфи?

– К сожалению.

– Ну вот, эти летающие малыши, полностью управляемые с телефона, будут делать то же самое. Только представь себе: вот ты на свадьбе, и тебе нужно сделать групповой снимок, чтобы никто не остался за кадром; или в горах – и хочешь показать людям, как высоко ты забрался, какой потрясающий пейзаж вокруг... Или на стадионе, в толпе фанатов. Пару лет назад сделать такие фото было под силу лишь профессионалам со спецаппаратурой, а теперь это любой сможет – с помощью пятидолларового куска пластика.

Скотт задумчиво потер щетинистый подбородок:

– Ты и правда сечешь в этом, Роб, и сама идея, в принципе, неплоха, вот только слишком уж она...

– Какая?

– Специфическая.

– О палках для селфи тоже так говорили.

Его мобильный пискнул, и Скотт взглянул на часы:

– Вот черт, мне пора бежать.

– Совещание?

– Новая подружка.

– Ну-ну.

– Она русская. Симпатичная, но запросы у нее – будь здоров.

– Через полгода ты с тоски повесишься.

Скотт пробежал глазами по экрану своего ноутбука.

– Не очень-то гуманно, приятель, – сказал он, сгребая со стола ключи.

– Прости, это шутка была.

– Хотя, может, ты и прав. – Он махнул на прощанье Хуану. – Кстати, о тебе, говнюк, я мог бы сказать то же самое: ты обожаешь окучивать новую идею, создавать под нее проект, а потом – начинаешь подыхать со скуки.

– Что правда, то правда.

– Ну, все, – сказал Скотт и допил пиво. – Платить не нужно – у меня здесь счет. И ради бога, красавица моя, умоляю: напиши мне этот сраный код, ладно?

Хэмпстед-Хит

в том году ты впервые увидел снег, и мы пошли кататься на санках. взобрались на высокую горку, где катались ребята постарше, я посадил тебя перед собой, зажав между ногами, и мы понеслись вниз. ветер свистел в ушах, мы летели на бешеной скорости сквозь мириады снежинок, облеплявших лицо, словно тысячетный сокол сквозь звездный космос. единственное, джек, о чем я жалею, вспоминая тот день, так это о том, что я не видел твоего лица. не видел твоего лица, когда мы мчались с горы.

5

Моросил мелкий, противный дождь. Мы стояли у подножия Монумента и смотрели снизу вверх на грязно-бежевую колонну, которая почти полностью сливалась с мрачной серой завесой. Единственное, что мы могли различить за блеклой пеленой дождя, – это позолоченное навершие, похожее на распутившую перья диковинную птицу.

Мы начали подниматься по винтовой лестнице. Джек бойко топал по ступенькам впереди меня. Его «мыльница» была надежно закреплена у него за спиной. Где-то на полпути я почувствовал прохладный ветерок и увидел наверху пятно бледного рыжевато-серого света.

Джека всегда, сколько я его помнил, тянуло забраться повыше. Сначала он с удовольствием карабкался вверх по лестнице или на чердак; потом, когда он стал постарше, мы вместе покоряли высокие здания, возвышенности, скалы – неважно, лишь бы открывался вид сверху.

Мы часто смотрели на Лондон с вершины Парламентского холма. Джек сидел у меня на плечах, барабанил пятками мне по груди, а я указывал на высотки и объяснял: это телебашня, там – «Огурец», а вон там – Кэнэри-Уорф.

Джек распечатал фотографии известных небоскребов: Бурдж-Халифы, Тайбэй 101, Шанхайской башни, башен Петронас – и развесил их над кроватью. Он говорил, что заберется на каждый из них.

На смотровой площадке никого не было. Она была на удивление узкая, огороженная по краю стальной сеткой; стены, кое-как оштукатуренные, местами облупились.

– Как дела в школе? Что сегодня проходили?

Джек еще не успел переодеться и был в школьной форме: серых брюках и зеленой рубашке поло с эмблемой начальной школы «Эмберли».

Он ничего не ответил: больше, чем мои вопросы, его интересовал вид внизу, который он никак не мог рассмотреть из-за высокой сетки.

– Джек?

Тогда только, устало вздохнув – словно ему было не пять, а все пятнадцать, – он выдал речитативом:

– Математика, чтение, письмо, физкультура.

И взглянул на меня:

– Пап, а почему он называется Монумент?

– Помнишь, я рассказывал тебе о страшном пожаре в Лондоне?

– Который был в стародавние времена?

– Да. Так вот, Монумент воздвигли в память тех, кто погиб в том пожаре.

– Зачем?

– Затем, что есть у людей такая привычка – строить что-нибудь в честь других людей.

– А почему получился пожар?

– Ну, сначала что-то загорелось, совсем близко отсюда, и огонь быстро перекинулся на соседние дома, потому что в стародавние времена большинство домов были деревянные.

– И все потом пришлось строить заново?

– Да.

– Круто.

Джек снова попытался заглянуть за сетчатый забор. «Круто». С тех пор как он пошел в школу, «круто» стало его любимым словечком.

– Хочешь, я тебя подниму? – предложил я. – Тогда ты увидишь, что внизу.

– А я разве уже не большой?

– Большой, но не настолько.

Я посадил его на плечи, и он тут же заерзал, вертясь туда-сюда и упираясь пятками мне в грудь.

Я придвинулся ближе к краю, глядя на восток. Внизу все было затянуто серой хмарью, сквозь которую проступало лишь несколько цветных пятен: зеленые – деревья вдоль северного берега реки и одно красное – зажатая между двумя домами заасфальтированная детская площадка.

– Пап, смотри, вон Тауэрский мост.

– Ух ты, и правда. Хочешь немного поснимать?

Джек торжественно кивнул, и я почувствовал, как он дергает на себя ремень сумки и достает из нее фотоаппарат.

Он начал щелкать кнопкой, наклоняясь то в одну сторону, то в другую в попытках поймать лучший ракурс. Он очень любил фотографировать с высоты. Самые удачные из его снимков мы распечатывали, и Джек наклеивал их на стену у кровати, рядом с фотографиями своих любимых небоскребов. Среди них были: утреннее солнце, заглядывающее в окно его спальни; белый маяк в Дорсете на фоне лилового неба; оконное стекло в дождевых каплях, которое он снял в Кэнэри-Уорф.

Вдруг ерзанье на моих плечах прекратилось, и я с беспокойством посмотрел на Джека – что там с ним такое? Однако тревога была напрасной: Джек, не шевелясь, с видом хозяина, окидывающего гордым взглядом свои угодья, созерцал раскинувшийся перед ним город.

В своей жизни Джек видел лишь Лондон. Он с младенчества ездил в поездах метро, которые были для него ревущими огнедышащими драконами; он перепрыгивал через трещины на асфальте, потому что знал: если будешь наступать на них – тебя съедят медведи. В двухлетнем возрасте он впервые попробовал димсамы в Чайна-тауне и знал названия всех мостов через Темзу. Он любил наблюдать за летними закатами в Саут-Бэнке и, надев резиновые сапоги, прыгать по воняющим рыбой лужам в Биллингсгейте. И теплый ветер, вырывающийся из утробы метро и въевшийся в каждого из нас.

Мы еще немного постояли на краю площадки, подобно четырехрукому великану, прислушиваясь к полицейским сиренам и монотонному гудению машин – голосу города, который замечаешь лишь тогда, когда он замолкает.

В метро Джек вел себя тихо, как мышка. Я знал, что он считает остановки: эту черту он унаследовал от Анны. Она до сих пор так делала: мельком бросала взгляд на карту метро – и начинала едва заметно шевелить губами, проговаривая про себя названия всех станций, которые ей предстояло проехать.

Когда мы перебрались в Лондон, она выучила наизусть все маршруты, и когда я шутки ради спрашивал ее, как доехать от Пикадилли-серкус до Кэмден-Тауна или каков кратчайший путь от Ланкастер-Гейт до Риджентс-парка, она отвечала тут же, не задумываясь. Я не раз убеждался, что порой лучше довериться Анне, чем карте.

Когда мы вышли из метро, все еще накрапывал дождь. Нашей следующей целью был детский центр в Хэмпстеде – тот самый, в котором есть йога-клуб для матерей с младенцами, где можно перекусить только органическими бхаджи с чашкой суматранского кофе. Джек сразу побежал к бассейну с шариками, а я сел за свободный стол и заказал американо. За соседним столом две женщины обсуждали третью: дочь изводила ее истериками, отказываясь есть. А все потому, последовал единодушный вывод, что нужно было кормить грудью, а не впихивать в ребенка с рождения всякую стерилизованную дрянь.

Попивая кофе, я просматривал почту в телефоне. Рекламные объявления, предлагающие вложиться в какие-то стартапы; документы от нашего бухгалтера; приглашение выступить на одной технологической конференции с докладом о формировании нового взгляда на виртуальную реальность.

Джеку наскучило барахтаться в шариках, и теперь, вдвоем с каким-то знакомым ему мальчиком, он лазал в пластиковой трубе. Женщины тем временем переключились на своих нянь: те постоянно хандрили (видимо, таково неизбежное свойство славянской натуры), – а я слушал их и понимал, почему Анна ненавидит здесь бывать. Эти мамы своими советами и сплетнями доводили ее до белого каления. Благо мужчин они не трогали.

Тут забренчал телефон – пришло сообщение от Скотта:

Я думал, мы договорились, что ты пришлешь мне код.

Я сейчас с ребенком на площадке, давай потом поговорим?

Пауза. Скотт размышлял, что бы мне ответить. Наконец я увидел, что он снова набирает текст.

Роб, пожалуйста, позвони, меня все это уже достало.

Если не успеваешь, вышли позже, не вопрос.

Я и не собирался писать код. Эта китайская компания была огромным, изрыгающим миллионы монстром, который бы попросту нас сожрал. Тот «Симтек», который мы знали, перестал бы существовать, а значит – в небытие канул бы и мой единственный шанс воплотить в жизнь идею с дронами.

Я поискал глазами Джека. Вместе с другим мальчиком он штурмовал пластиковую машинку типа «доджа» из «Придурков из Хаззарда», пытаясь попасть в салон через окно. Я отложил телефон и стал наблюдать за Джеком. С самого раннего его возраста мне нравилось смотреть, как он играет с другими детьми, как делает первые неуклюжие попытки подружиться: сначала он улыбался – слегка несмело, вопросительно вздернув брови, словно прощупывал почву; а потом, пытаясь поразить воображение потенциального друга, показывал ему все свои сокровища: цветные карандаши, игрушки, рисунок на своей футболке.

В кармане у меня лежал перечень покупок, который дала нам с собой Анна. Эти бумажки всегда вызывали у меня улыбку, являя собой настоящие памятники скрупулезности. Если были нужны помидоры черри – она писала, какой именно марки, если спаржа – давала подробные инструкции, как отличить хорошие побеги от несвежих. И конечно же, сноски – куда без них. Некоторые из ее списков я хранил в бумажнике, чтобы было что почитать в ожидании поезда, автобуса – или Анны.

«Переверни, пожалуйста, – написала она как-то, – чтобы узнать, какой сыр можно купить, если не будет грюйера», – и на обратной стороне листка аккуратным почерком, в порядке убывания важности, было перечислено семь видов сыров.

Я отвлекся, чтобы посмотреть, как там Джек, но его нигде не было – ни в бассейне с шариками, ни у пластмассовой машины. Я вскочил на ноги, опрокинув чашку с кофе, и начал бешено озираться по сторонам. И тут на полу, в самом углу площадки, я увидел Джека.

Я бросился к нему. Он лежал на спине, уставившись в потолок, и не двигался.

– Джек, Джек, что с тобой?

Он перевел взгляд на меня. Глаза у него были мутные, как будто он только что проснулся и еще не успел понять, где находится.

– Ты ударился?

– Нет, – ответил Джек, – я упал.

– Где болит?

Он прищурился:

– У меня... мне как-то странно...

– Как именно странно, лапушка? Голова кружится?

– А это как? – спросил он.

– Это когда ты разгоняешься на карусели, которая стоит у нас на площадке...

– На большой или на маленькой карусели?

– На большой.

Джек кивнул.

– Так вот. Когда ты сильно разгоняешься, а потом прыгиваешь на землю, то сначала чувствуешь себя странно, будто все вокруг тебя качается. Это значит, что у тебя голова закружилась. У тебя сейчас такое же чувство, как после карусели?

– Наверное, да.

– А раньше такое уже бывало? В школе у тебя кружилась голова?

Джек задумался.

– Мы с Натаном прыгали на надувной подушке, и у меня в голове как будто ракеты летали.

– А сейчас – тоже ракеты летают?

– Ну конечно нет, пап, не говори глупостей. – Он резко сел, и его щеки снова порозовели.

С того момента, как Джек упал с велосипеда, Анна была уверена, что у него проблемы с равновесием. Я пытался ее убедить, что она не права. «Дети неуклюжие и невнимательные, – говорил я, – они вечно на что-то натыкаются». Но Анна настаивала на своем. По ее словам, она уже замечала что-то странное в походке Джека, когда перед сном он шел в туалет.

– Можно, я снова пойду играть с другом?

– А ты хорошо себя чувствуешь?

Он похлопал себя по голове, потом по животу и ногам и ответил:

– Да.

– Тогда беги, но будь осторожен, – разрешил я, оглядев его со всех сторон.

Джек радостно побежал к своему приятелю, и я еще долго наблюдал, как он ловко лазал по туннелям, забирался в полицейскую машину, а потом со своим новым напарником расстреливал резиновыми мячиками домик Венди.

– Как прошел день? – спросила Анна.

Сегодня она встречалась с клиентом, поэтому была накрашена и вместо удобных повседневных лодочек надела туфли на высоком каблучке.

– Нормально. Тишь да гладь, – сказал я, помешивая ризотто.

– Ты в порядке?

– Да, просто устал немного.

– А где Джек?

– В своей комнате.

– Хорошо, я к нему поднимусь.

Она налила себе воды из-под крана, прислонилась к кухонному столу и скинула туфли. Несмотря на то что школа, в которой она училась, придерживалась прогрессивных взглядов и воспитывала своих учениц в духе независимости и равноправия, Анне было непросто мириться с нашей нынешней жизнью. Она с утра до вечера работала, а я занимался Джеком: отводил его в школу, готовил ему обед, обсуждал с ним события дня, – а ей в глубине души хотелось, чтобы все было наоборот.

Однако Анна была не из тех, кто легко опускает руки, безропотно принимая сложившийся порядок вещей. Она нашла выход. Возвращаясь домой, вместо того чтобы лежать на диване и заслуженно отдыхать после рабочего дня, она все время проводила с Джеком: купала его, читала ему сказку и укладывала спать, убедившись, что на тумбочке стоит стакан с водой, дверь в спальню открыта под нужным углом, а любимые Большой Мишутка и Маленький Мишутка на своих местах бдительно охраняют его сон.

Анна обхватила меня сзади и уткнулась носом мне в шею:

– Что у нас сегодня на ужин? Детская или взрослая еда?

– Взрослая.

- Не может быть.
- Ты, конечно, хотела бы снова полакомиться рыбными палочками и бобами, но – нет, я сделал ризотто.
- О-о, роскошно.
- Ты разочарована?
- Нет, что ты, я с радостью съем ризотто, – улыбнулась она. – Как вы провели время в Хэмпстеде?
- Хорошо, Джеку понравилось, он там встретил приятеля. А, да, кажется, я видел одну из подруг Лолы.
- Кого именно?
- Ту, которая вся из себя.
- А поточнее?
- Ну, ту, что ходит в шарфе и широченных штанах.
- Анна покачала головой:
- Так выглядит любая из ее подруг.
- Я принялся шинковать шнитт-лук, прикидывая, как бы ей сказать о том, что произошло на площадке.
- Кстати, сегодня он снова упал, хотя, думаю, волноваться тут не о чем.
- Что? – Она встала напротив, чтобы видеть мое лицо. – Он не ушибся?
- Нет, он в полном порядке. Сказал только, что голова кружится.
- Анна побледнела.
- Я знала, – сказала она, заламывая руки до хруста в пальцах. – Знала, что все это не просто так.
- Милая, да ты всегда ждешь самого худшего.
- Я положил руку ей на талию и придвинул к себе.
- Прошу, отведи его завтра к врачу, – умоляюще произнесла Анна, отстраняясь от меня.
- Конечно отведу, но ты и правда думаешь, что это...
- Да, Роб, это необходимо. Мы и так слишком долго тянули.
- Хорошо, завтра мы сразу после школы сходим к врачу. Скорее всего, это какая-нибудь ушная инфекция. Помнишь, когда он был маленький, то часто чем-то болел?
- То есть ты считаешь, что он все-таки болен?
- Господи, Анна, вовсе нет. Наоборот, я хочу сказать, что беспокоиться особо не стоит.
- Пока мы говорили, Джек вскарабкался на спинку дивана и кувыркнулся оттуда на подлокотник.
- Посмотри на него, – сказал я. – Нормальный жизнерадостный ребенок.
- Надеюсь, ты прав, – ответила Анна. – Наверное, он очень устает в школе, их там так нагружают.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.